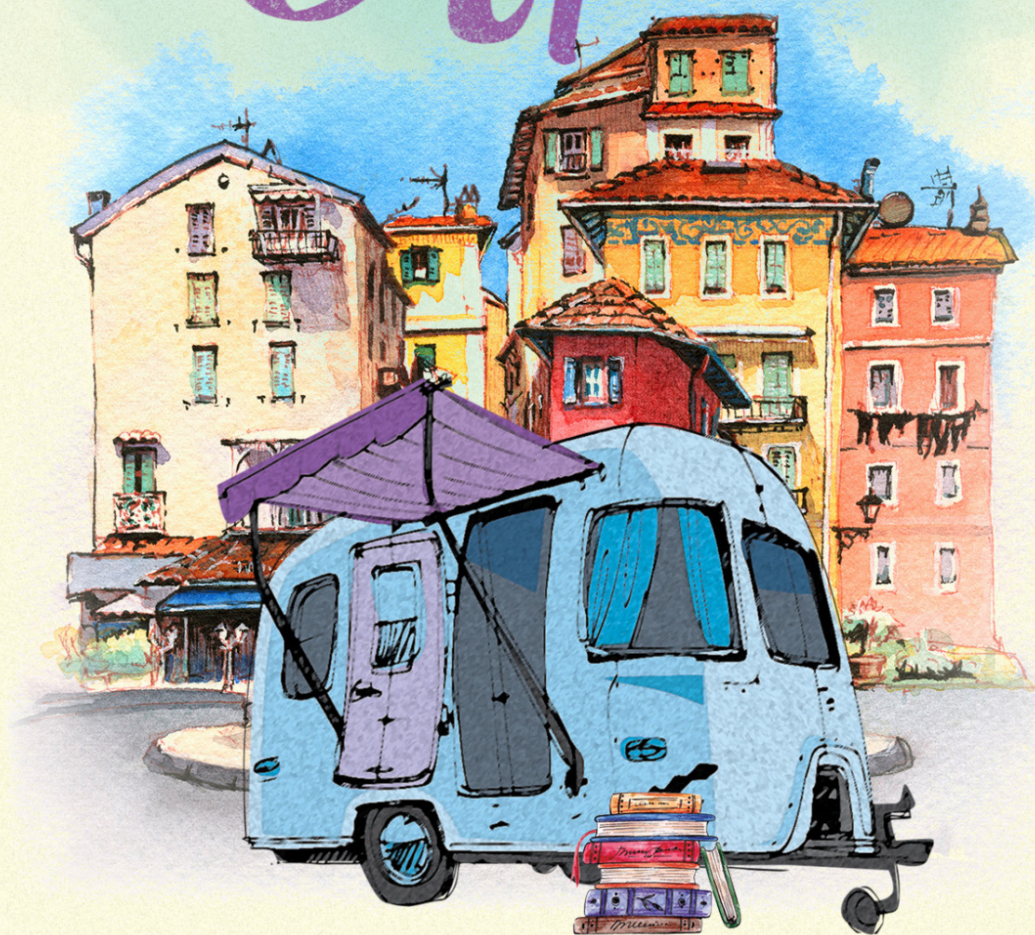

INSPIRIA

Книжный фургончик Арил

РЕБЕККА РЕЙСИН

INSPIRIA

Сурсаке. Счастливый магазинчик Ребекки Рейсин

Ребекка Рейсин

Книжный фургончик Арии

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Рейсин Р.

Книжный фургончик Арии / Р. Рейсин — «Эксмо»,
2020 — (Cupsake. Счастливый магазинчик Ребекки Рейсин)

ISBN 978-5-04-177434-9

Продолжение цикла «Магазинчик на колесах». Идеальное чтение для поклонников романов Джули Кэплин и Холли Мартин! У Арии есть четкий план: она хочет объездить весь мир на своем книжном фургончике с лучшей подругой Розы, посещать фестивали, веселиться и жить для себя. После смерти мужа Ария зареклась любить, только если эта любовь не будет похожа на ту, что описывается в ее любимых романах. Правда, у судьбы свои планы. Ария знакомится с Джонатаном, но, испугавшись своих чувств, сбегает на все лето во Францию. Сможет ли эта поездка изменить жизнь Арии к лучшему? «Пожалуй, я могу сказать пока-пока, Англия, и bonjour, Франция».

«Чувственная и необычная история о том, как судьба дает второй шанс встретить свою любовь». — Сюзен Мэллери, автор бестселлера «Сезон прогулок босиком» «Восхитительно... Гораздо больше, чем просто роман». — NetGalley

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-177434-9

© Рейсин Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ребекка Рейсин

Книжный фургончик Арии

Rebecca Raisin

ARIA'S TRAVELLING BOOK SHOP

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

© Rebecca Raisin 2020

© Шпаковская Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Пожалуй, я могу сказать пока-пока, Англия, и bonjour, Франция».

«Чувственная и необычная история о том, как судьба дает второй шанс встретить свою любовь».

Сьюзен Мэллери, автор бестселлера «Сезон прогулок босиком»

«Восхитительно... Гораздо больше, чем просто роман».
NetGallery

* * *

*Эта книга для тебя, Джакс.
Ты мое солнце*

Пролог

Глобус вертится, перед нашими глазами пятнами рябят страны. Розы нужно лишь остановить его пальцем, но я знаю, что она этого не сделает. Не примет такое важное решение, основываясь на чем-то настолько ненадежном, как случай.

– Ну же, Розы, чего ты ждешь? – поддразниваю я, не сдержавшись.

Она отводит свои лазурные глаза.

– Просто... слишком рискованно. Вдруг я ткну в Антарктику или что-то такое?

Я усмехаюсь.

– Уверена, в Антарктике нужен книжный магазин точно так же, как и в любом другом месте. И я уверена, они будут в восторге от твоего авторского чая, который согреет каждую клеточку их сердца! – смеюсь я. Тем и прекрасна жизнь в доме на колесах: у нас есть возможность отправиться куда угодно. Но Антарктика, пожалуй, немного далековато...

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, Розы бросается в заднюю часть фургона.

– погоди! – Она усмехается в ответ, и я понимаю, что она уже все распланировала. Поставила бы последний свой фунт, что у нее есть блокнотик с расписанием для наших магазинов на колесах. Если честно, я верю, что Розы нас поведет по верному пути. Она разумная, тогда как я слишком эксцентрична, чтобы принимать жизненно важные решения. Я бы однозначно доверилась глобусу, и наверняка перепив вина.

– Та-дам! – восклицает она, выскочив из-за розовой занавески, которая разделяет спальню и гостиную. Я качаю головой и смеюсь. Поверх безупречных светлых волос Розы покоится легкомысленный голубой берет. Уверена, что где-то припрятаны и шарф в тон, и разговорник.

– Мы едем во Францию?

– *Oui, oui!* – Она достает из-за спины второй берет и бросает его мне. – Назови меня сумасшедшей, но у меня предчувствие, что там случится что-то хорошее. Это такая *романтическая* страна. Я прямо-таки вижу, как там *расцветает* любовь.

Я закатываю глаза.

– Ты *поэтому* выбрала Францию? Думаешь, я влюблюсь в какого-нибудь загадочного француза?

Она пожимает плечами.

– Я кое-что разузнала...

– Уже предвкушаю.

Когда Розы говорит, что она *кое-что разузнала*, это означает, что от какой-то ее безумной идеи не откеститься без борьбы.

– ...и эти загадочные, как ты говоришь, французы обожают литературу!

Я жду дальнейших разъяснений, например рассказа о том, как будут процветать наши бизнесы, но она молчит.

– И все? Ты думаешь, что нам нужно провести год во Франции в наших фургонах лишь потому, что какие-то французские мужчины любят читать? Твое решение основано *только* на этом? – Это слишком даже для Розы.

Ее щеки зарумяниваются.

– Когда ты так это говоришь, конечно, это звучит абсурдно! Но им не просто *нравится* читать, это у них в крови, как у тебя! Они этим живут, этим дышат и празднуют свои литературные достижения. А еще там есть сырные магазины, кто не любит сыр?

Я изгибаю бровь.

– Я люблю сырные магазины. И кондитерские.

– Особенно кондитерские. Так что, мы решили? Оставляем позади фестиваль и все, что мы знаем, и испытаем удачу во Франции?..

– Что мы теряем? – говорю я. – Если не получится, вернемся домой...

Но ни за что я не влюблюсь, разве что во французский обед из трех блюд. *Этому* я могу приоткрыть свое сердце.

Глава 1

Саутуарк, Лондон

В эфемерных тенях уютного лондонского паба мы с подвыпившими друзьями-кочевниками сбиваемся вместе, не обращая внимания на шум, тепло чужих тел – ни на что, кроме друг друга. Мы формируем тесный кружок, и наш смех смешивается со слезами. Макс запекает «California Dreamin'», и мы подхватываем одну из наших любимых песен прошлого года, ту, что мы пели, сгрудившись у костра под мягким лунным светом под чей-то тихий гитарный перебор. Сейчас же мы закидываем руки друг другу на плечи и покачиваемся, не переживая о том, как глупо, должно быть, выглядим.

Это созвездие свободных и прекрасных кочевников собирается рассыпаться по миру, как бисер, и, несмотря на все наши усилия, вероятность, что мы снова встретимся, очень мала. По опыту я знаю, что некоторые устанут от жизни на колесах, продадут фургон и вернуться к работе с девяти до пяти. Других очарует человек или город, и они обретут дом на чужой земле. Кто-то продолжит свой путь до края света, в поисках чего-то неуловимого, что даже они сами не смогут понять. Прощаться всегда тяжело, но у этого прощания особое, окончательное послевкусие. Все, чем мы дорожили, путешествуя вместе по фестивальному маршруту, распадается на части.

Может, это чувство от того, что я с моим фургоном, магазинчиком «Долго и счастливо», отправляюсь в грандиозное путешествие по Франции вместе с лучшей подругой Розы, ее чайным фургончиком, ее бойфрендом Максом и его веганским кафе. Некоторые другие кочевники тоже заинтересовались нашим маршрутом, но лишь время покажет.

Мы ненадежная компания.

Ну, все, кроме Розы. Розы уже пытается подчинить себе расписание, сопоставить каждую дату и место, составить список каждого непредвиденного обстоятельства, просто таков ее характер, хоть она и знает, что, по сути, невозможно распланировать жизнь в доме на колесах. Но от этой ее привычки так легко не избавиться. Я обожаю чудаковатость Розы, но она постепенно учится отпускать контроль над вещами, которые тянут ее назад.

Кроме этого, когда ты кочевник, особо ничего не распланируешь. Фургоны ломаются, фестивали отменяют из-за ненастной погоды или из-за того, что не приехала звезда, заканчиваются деньги – столько развилочек, по которым может пойти завтрашний день.

Наше сборище, расчувствовавшись, разбредается за новой порцией выпивки. В воздухе, словно исчезающий след от бенгальских огней, витают обещания, что не будут сдержаны. Я печально улыбаюсь: как же хочется, чтобы этот момент не кончался, но знаю, что все они приходят к завершению.

Таков путь.

Я нахожу уединенный стул и глотаю вино, в уме подсчитывая, сколько я уже выпила (слишком много), но потом понимаю, что угрюмые прощания в любом случае гарантируют томительное похмелье.

Розы прокрадывается ко мне и, тяжело вздохнув, усаживается рядом, щеки у нее покраснелись от алкоголя.

– Не думала, что будет настолько тяжело, – говорит она, склонив голову на мое плечо. Светлые пряди ее волос свисают, словно ленточки.

Я наклоняю голову, прижимаюсь щекой к ее макушке.

– Знаю, – выдыхаю я. – Клянусь, каждый год становится все сложнее.

В нашем небольшом кочевническом пузыре все чувствуют себя в безопасности, поэтому делятся друг с другом сокровенным, рассказывают о своем прошлом. Мы смеемся так громко,

что болит живот, и ссоримся из-за пустяков, которые кажутся важными. И будто по шелчку пальцев это все заканчивается, и каждый отправляется своей дорогой.

Рози молчит, поигрывает браслетом из бусин, прокручивает его на запястье снова и снова. Ей прощания даются тяжелей всех, ведь это ее первый год в качестве путешественника.

– Пожалуй, когда мы состаримся и посеем, мы сможем вспомнить всех этих людей, которые оказались в нашей жизни, неизгладимо изменили ее, а потом покинули.

– Это мне нравится.

Я представляю пожилых Розы и Макса на обитом ветрами крыльце, сжимающих в руках кружки с ароматным домашним чаем, все еще влюбленных друг в друга. А потом я представляю седовласую будущую себя, в одиночку обуздывающую бесконечные дороги. Но со мной все еще будут мои книги, ведь правда? Бесшабашные романы, которые наполняют восторгом мои дни и побуждают мечтать, вымышленные персонажи, что видят меня насквозь...

Но, оглядываясь по сторонам, я вижу комнату, наполненную влюбленными парочками, *не*-вымышленными парочками, и меня пронзает укол одиночества, несмотря на то, что я окружена людьми, которым небезразлична.

Глубоко погружившись в свои мысли, я резко возвращаюсь в реальность, когда Розы тычет меня в ребра локтем.

– Чего? – спрашиваю я.

Она не сводит глаз с мужчины у бара; даже со своего места я узнаю эти широкие плечи, эту позу, то, как он стоит, засунув руки в карманы. Он выглядит задумчивым, терпеливо ждет, как будто наполовину не здесь, потерял в свои мыслях.

– Это *Джонатан!* – восклицает она слишком громко. Я зажимаю ей рот рукой, не обращая внимания на то, что, наверное, размазываю ее помаду. Сквозь ладонь я чувствую вибрацию ее смеха.

– Тихо! Не привлекай внимания. – Мое сердце колотится, и я пытаюсь понять, что он делает здесь. Именно в этом месте. Именно в это время.

Она высвобождается, помада смазалась лишь немного.

– А почему нет? Разве мы не собираемся хотя бы поздороваться?

Рози приподнимает брови. Она делит мир на черное и белое, никаких серых полутонов.

Пытаясь объяснить, я на мгновение оборачиваюсь, чтобы мельком взглянуть на того, кто слишком часто прокрадывался в мои мысли с того дня, как мы познакомились. Его темные волосы отросли и свернулись кудрями у основания шеи. Он очарователен даже в профиль. Есть что-то невероятно чувственное в его губах, и, прежде чем я потеряюсь в этих предательских мыслях, я качаю головой. Увидеть его столько месяцев спустя оказалось словно электрическим разрядом, но только и всего. Я двигаюсь вбок, пытаюсь спрятаться за Розы, которая, к сожалению, отодвигается от меня.

Мы с Джонатаном встретились в прошлом году на музыкальном фестивале, и он был бескрайне восхищен нашим кочевническим образом жизни. Болтать с ним было так просто, словно мы были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки. Когда я говорила, он *слушал* и словно взвешивал каждое слово, что слетало с моих губ. Тогда впервые со смерти мужа я почувствовала крошечную искру в сердце, но вскоре я прогнала ее прочь. И правильно. Я дала обещание и намерена его сдержать.

Но присутствие Джонатана выбило почву из-под ног, то, как на него светил прожектор, словно призывая к действию... Хорошо, что я сижу.

– Ну так? – не отстает Розы.

– Что ну? Мы ему ни слова не скажем, Розы! Мы будем прятаться в этом углу и надеяться, что он уйдет. – Я делаю глоток вина и притворяюсь безразличной.

– Почему? – В ледяную голубизну ее глаз прокрадывается непонимание. – Признайся, что у тебя подскочил пульс, корсаж лопнул, а твои чресла...

Кто вообще использует слово «чресла» в наше время? Я качаю головой: она поддразнивает меня за любовь к сентиментальным романам и описывает их так же клишированно, как и прочие не-поклонники.

– Мои чресла – что?

– М-м... Затрепетали? – Она пытается подыскать подходящее слово, и это не увенчивается успехом.

– Ты себя слышишь? Мои чресла затрепетали? Откуда ты этого понабралась, Рози, только честно? – Несмотря ни на что, я захожусь смехом.

Она исступленно хихикает, и вдруг ее лицо озаряется пониманием.

– Принялись *вздыхаться*! Вздыхающиеся чресла – так же говорят, да?

– Если бы мои чресла *вздыхались*, Рози, я бы отправилась в больницу за помощью, бога ради!

Я прячу лицо в ладонях: уверена, она привлекла к нам внимание всего бара, не только соблазнительно выглядящего Джонатана. У нашей Рози нет фильтра, стоило бы к этому уже привыкнуть. Но ей-богу. Я гляжу сквозь пальцы, убеждаюсь, что, разумеется, на нас глазеет половина Лондона, но Джонатан каким-то магическим образом смотрит в другую сторону. Маленькие радости жизни.

– Тебе повезло, что он не услышал, Рози!

Она пихает меня локтем.

– Ради всего святого, Ария. Ты можешь по меньшей мере с ним поздороваться! Я же не предлагаю тебе выходить за него замуж.

Я качаю головой: нет. Я себе не доверяю. В Джонатане есть что-то дико привлекательное, и такой искры я не чувствовала ни с кем, кроме Ти Джея, это ощущение кажется мне чужеродным, от него хочется сбежать.

Внезапно он поворачивается, и мы встречаемся взглядами. На мгновение время останавливается. Я смотрю на него слишком долго – что же я творю!

– Мне надо... отойти. В туалет! – бросаю я Рози, вскакивая и сбегая. Она поспекает за мной.

– погоди, он идет сюда, – задыхаясь, шепчет она мне. – Ты меня сведешь в могилу! – Рози не фанатка бега.

Конечно, очередь невообразимо длинная, так что мы пристраиваемся в конец, хотя больше всего мне хочется забежать в кабинку, захлопнуть за собой дверь и не высовываться целую вечность.

– Ты же говорила, что он тебе нравится, почему бы не поздороваться? – она пялится на меня, словно я сошла с ума.

– Я такого не говорила!

– Говорила!

– Нет!

– Да!

Она хмыкает.

– Тебе же даже в туалет не надо, да?

Я покаянно качаю головой.

– Пойдем, – она вздыхает. – Хотя бы проявим вежливость и поздороваемся, если он *сам* подойдет, ладно? Может, он даже нас не узнает.

Я театрально возмущаюсь.

– В этот раз снизь громкость голоса до среднего, ладно, Рози?

Она останавливает меня.

– Никогда не видела тебя такой рассеянной.

– Рассеянной?

– Клянусь, я отсюда слышу, как бьется твое сердце.

Я нервничаю? И если да, то почему? Это правда, мы с Джонатаном провели большую часть суток вместе, и время пролетело – мы могли бы проговорить еще несколько недель, не потеряв интереса. Но когда я вспоминаю об этом, то понимаю, что мы обсуждали книги и кочевническую жизнь, ничего личного. Так что не то чтобы я очень хорошо его узнала. И разве не с миллионом разных людей я встретилась, проживая жизнь в доме на колесах? Это просто часть рутины; так почему же я веду себя подобным образом?

Время собраться с мыслями.

– Ладно. Если он подойдет, давай просто притворимся, что мы его не заметили раньше, и удивимся встрече?

Она смеется.

– Хороший план.

Мы направляемся обратно в уголок, и, не сдержавшись, я бросаю взгляд на барную стойку. Его там больше нет. Несмотря на мои опасения, сердце падает. Я оглядываю бар, но его нет нигде. Я его отпугнула своим побегом.

– Он исчез, вот так просто, – говорит Роза, и ее голос пронизан грустью.

Неужели я упустила свой единственный шанс?..

Глава 2

Саутуарк, Лондон

Рози уходит на разведку, но быстро возвращается, поджав губы.

– Может, мы его вообразили? – Она садится рядом со мной и сдувается.

– Мы и правда *много* выпили вина, – говорю я, пытаюсь притвориться, что мне все равно.

Вокруг нас тихо столпились путешественники, после длительных прощаний прежняя радость поугасла.

Тори – владелица ресторана на колесах «Пимм’с»¹ – петляя, направляется к нам, и я стону себе под нос. Обычно приход Тори означает, что она что-то задумала, и редко это что-то хорошее. Сейчас у меня нет на это сил.

Я не могу заставить себя полюбить Тори. Она распространяет слухи о других людях, а потом отрицает это. Если верить ей, я мошенница в бегах (поэтому, как ей кажется, я не говорю о своем прошлом), у Рози и Макса открытые полигамные отношения (это из-за нее время от времени женщины подкатывают к Максус!), хотя ничего подобного нет. Зачем она делает это – вне моего понимания, но если есть возможность навести шорох, она никогда ее не упустит. Совершенно напрасно и незрело. Мы все – целый ящик яблок, так что, конечно, найдется пара подгнивших, Тори же отравлена до самой своей сердцевины.

Я прищуриваюсь, пытаюсь морально подготовиться к ее выходке. Уперев в бедро руку, словно дива, Тори выпаливает:

– Эта вечеринка превращается в поминки, пора бы поднять настроение! Мы же не хотим, чтобы наша последняя встреча прошла так. – Она потрясает беспроводным микрофоном словно в подтверждение своим словам. – Ну что, кто споет в караоке, вдохновит остальных?

Рози застывает рядом со мной. Ей не нравится быть в центре внимания несмотря на то количество жидкой храбрости, что она выпила.

– Почему бы тебе не спеть самой? – спрашиваю я, хоть и знаю, что напрасно. Тори замыслила какой-то безумный план и, пока не получит свое, не успокоится. Большую часть маршрута мне удавалось ее избегать, но, кажется, сегодня моя удача закончилась.

– Я бы с удовольствием, – восклицает она, и ее скрипучий голос звучит словно ногти, скребущие по доске, – но... я чуть приболела. – Ее глаза стреляют в разные стороны. – Все пошло в *нос*, но, если бы не это, я была бы первой.

– Да, конечно, – фыркает Рози.

Я в последний раз осматриваю комнату: Джонатана так и не видеть.

– Ладно, давай микрофон, – говорю я и уныло качаю головой. Если честно, будет гораздо приятней вспоминать, что в последнюю нашу встречу мы веселились, а не плакали над бокалами вина. И я привыкла прятаться за смехом, притворяться, что жизнь прекрасна. Это у меня получается лучше всего.

– Что спеть? – спрашиваю я у Рози.

Тори уводит меня.

– Я выберу что-нибудь подходящее, ты не переживай, но только убедись, что это будет настоящее выступление, – пой, танцуй, *воодушеви народ*.

Разве все может быть так невинно?

– Ладно. – Может, во мне говорит вино, но я чувствую себя абсолютно спокойно. Просто спеть и покачаться под музыку, так? Мы ведь делали так почти каждый вечер у костра. Я взбираюсь на сцену и жду начала трека, радуясь, что надела узкие джинсы вместо короткой юбки и черных колготок, так что те, кто внизу, не увидят ничего лишнего.

¹ Пимм’с – марка традиционного английского алкогольного напитка крушона.

Тори вскидывает вверх большие пальцы и горланит:

– Не подведи!

Как только начинает играть знакомая мелодия, у меня появляется желание придушить ее цыплячью шейку. Надо было догадаться, что у нее есть какие-то скрытые мотивы, например, выставить меня идиоткой. Со сцены отомстить не получится, так что я довольствуюсь убийственным взглядом в ее сторону.

Она усмехается:

– Надо же было как-то привлечь их внимание!

Я нервно покачиваюсь под вступительные биты «Ропу» Ginuwine, отчаянно пытаюсь сообразить, каким образом под нее танцевать, чтобы не выглядеть, как стриптизерша. На сцене появляется стул, и я разражаюсь хохотом.

– Это мой реквизит? – спрашиваю я, и незнакомец, усмехаясь, кивает.

Ну и черт с ним, пожалуй, я выгляжу глупее, пытаюсь быть целомудренной, так что я расслабляюсь и, взывая к внутреннему Ченнингу Татуму, использую стул самым распутным образом. Путешественники неистовствуют, вопят и хлопают в ладоши, их крики привлекают еще больше зрителей. Мое сердце стучит, музыка пульсирует. Не знаю, из-за чего: от того ли, что я танцую, или от того, что смотрят люди, – но тело словно под зарядом тока, и я внезапно наслаждаюсь происходящим.

Ко мне на сцену забираются какие-то девушки, и вскоре я уже полностью растворяюсь в музыке, отдаюсь каждому слогу, что вытягиваю. Я улыбаюсь даже сильнее, когда вижу яростное выражение лица Тори: она поняла, что ее план обернулся против нее.

Еще больше людей подтягивается к сцене, кажется, «Ропу» откликается у всех на уровне базовых инстинктов, и меня подталкивают вперед. Я спотыкаюсь, и стул падает вниз, а я оказываюсь на самой кромке сцены. Шоу должно продолжаться, и я вращаюсь так отчаянно, так неистово, и внезапно под ногами не оказывается пола...

Я лечу, вскидывая руки, приготовившись воспарить...

Пока не возвращаюсь к реальности, и, пресвятая мать клиффхэнгеров, я не лечу, *я падаю!* Я вижу землю и вскрикиваю, приготовившись к жесткому приземлению. Зажмуриваюсь и, упав, слышу мягкое «уф-ф-ф», но я не на паркете, а на мягкой постели чьих-то протянутых рук. Я приоткрываю глаза: мужчина, держащий меня, не кто иной, как Джонатан!

«Я в раю?» Может, я ударила головой и это прелюдия к жемчужным вратам?

Он смеется, обнажая блестящие белые зубы, словно он герой моего личного любовного романа. *Ну конечно.*

– Приятно снова тебя увидеть, Ария. – Его голос словно бархат.

Я чувствую силу в его руках, обнимающих меня. Радостное возбуждение посылает волну вниз по позвоночнику, я не чувствовала этого ощущения так долго, что ошеломленно молчу. Он смотрит прямо мне в глаза, и шум в комнате словно затихает, он – все, что я вижу. Мой личный герой, посланный спасти от неудачного падения, – все как в книгах.

Он слегка приподнимает бровь, и почему-то я чувствую, что это приглашение поцеловать его, так что я, не раздумывая, просто следую за своим сердцем. Я прижимаюсь губами к его губам и позволяю этому чувству захлестнуть меня с головой. Оно словно электричество, пробуждающее меня после долгой спячки. Мы целуемся так, словно мы последние люди на этой земле. Все ровно так, как я себе и представляла, лишь разочарована туманом в своей голове. Это из-за него, или падения, или вина? Правда, лучше бы я была более... Мысль ускользает, когда поцелуй становится глубже. Он крадет из моих легких воздух самым восхитительным образом, но в сердце прокрадывается беспокойство – я, разумеется, игнорирую его, вместо этого утопая в ощущении его губ на моих. Когда поцелуй наконец прекращается, комната ходит ходуном, а я не могу подобрать слов. Я моргаю, и окружающий шум постепенно возвращается, и чары рассеиваются из-за толкающихся рядом людей.

Перед глазами все плывет, но я вижу пылающий взгляд Тори: на лице у нее написано желание отомстить. Я еще не забыла, как из всех песен она выбрала «Ропу», чтобы «воодушевить народ», от чего я практически слетела со сцены и приземлилась в объятия этого восхитительного красавчика – ну что она за негодяйка!

– Вали, – говорю я ей. – Пока я не разболтала тот секрет, которым ты со мной недавно поделилась. – Я выгибаю бровь, пытаюсь выглядеть грозно.

Ее глаза испуганно распахиваются, и она отвечает:

– Ты не посмеешь!

– Посмею!

Это не самый злачный из секретов: она влюблена в музыканта Акселя, но ничего на этот счет не предпринимает, что странно, учитывая, как упорно она вмешивается в жизни всех вокруг.

Еще раз глянув на меня испепеляющим взглядом, она хлопает Джонатана по плечу и говорит:

– Не слушай ни единого слова, Ария страдает от *врунянки*... – с улыбкой обжевшейся сметаны кошки она лениво уходит прочь, и, если бы меня не сдерживали сильные руки Джонатана, я бы ей высказала все, что о ней думаю. Да *что* я ей *сделала*?

– Она что имела в...

– Прости, – отвечаю я, и здравый смысл трещит по швам, когда я представляю себя героиней, а Джонатана прекрасным героем. Он действительно только что спас меня от переломов и синяков. Я осознаю, что он все еще держит меня на руках: должно быть, в нем сила тысячи человек!

– За что ты извиняешься? – наверное, он думает, что я сожалею о поцелуе.

А я и не помню, за что.

– Можешь поставить меня на землю, если хочешь.

– А ты хочешь?

Да. Нет. Я не знаю.

Его бездонные синие глаза меня завораживают. Я могла бы в них потеряться, но червячок беспокойства все еще пытается прорваться сквозь туман. Роза приставала ко мне, чтобы открыла свое сердце, будто это так же просто, как поместить ключ в замочную скважину. Но смотря в глаза Джонатана, я задаюсь вопросом: почему я даже не пыталась? Есть какая-то достойная причина, но она эфемерна, тиха, как шепот, и утекает сквозь пальцы; должно быть, я опьянена падением, или любовью, или просто алкоголем?

Юбка Розы шуршит, когда она подбирается ближе. Увидев нас, она издает странный, резанувший уши вздох. Она бросает на меня взгляд, который я не могу понять, но, должно быть, я веду себя странно: меня все еще держат на руках, словно вынесли из горящего здания или что-то вроде этого, так что я выкручиваюсь и становлюсь на ноги, хоть и нетвердо. Вся эта картина словно олицетворение *плохих решений*.

– Я упала, – говорю я слишком громко. – Со сцены. Джонатан меня поймал... Иначе я бы серьезно пострадала. Возможно, даже убила, было бы довольно чудовищно и кроваво.

Я представляю, как криминалист очерчивает мой труп мелом, зная, что жуткая картинка отвлечет Розу. Она постоянно воображает свою неминуемую гибель.

– Я рада, что ты жива, – говорит она. – Я э-э... пойду найду Макса. Скоро вернусь. – Она уносится прочь, но сперва выразительно разыгрывает немую сцену, которая должна, наверное, означать: *что, черт возьми, происходит, я оставила тебя без присмотра всего на пару минут!* – или что-то подобное.

Мы с Джонатаном стоим близко друг к другу, и опускается тишина. Я не могу ничего сказать, не могу даже придумать! Разум продирается сквозь бессмысленный вакуум, но я не хочу показаться совершенно не приспособленной к общению. Еще больше, чем сейчас.

– Холодно на улице. – *Потрясающе, Ария!* – Я хотела сказать, что как-то резко похолодало. – *Великолепно!* – Но в баре тепло.

Его лицо озаряется улыбкой.

– И не говори, вот тебе и британская весна.

Он дразнится. Конечно, весна, конечно, холодно. Мы, черт побери, в Англии.

– Верно.

Он предотвращает очередную болезненно неловкую паузу:

– Вы сейчас живете в Лондоне?

Я качаю головой.

– Нет, мы ненадолго. Скоро отправляемся во Францию.

Его глаза вспыхивают удивлением, хотя Франция – это не край географии.

– Это наша прощальная вечеринка. А ты? Ты живешь в Лондоне?

Что я вообще знаю об этом мужчине? Неужели я была так эгоистична, что не задала тогда ни одного вопроса о нем самом? Я припоминаю, что мы оживленно обсуждали книги, а этим я могу заниматься целыми днями – серьезно, *днями*, – но дальше этого мы, кажется, не зашли.

– Нет, я живу в Сент-Олбансе. В Лондон приехал на встречу.

– Что за встреча?

Он не успевает ответить, как комната медленно погружается во тьму, и это может означать лишь одно. Макс. Его роста достаточно, чтобы заслонить свет лампочек.

– Джон, дружище!

Он поднимает и по-мачистски трясет его руку, и я внутренне морщусь: он же бедному Джонатану все кости переломает.

– Что привело тебя в «Визжащего поросенка»?

– У меня была встреча недалеко от Лондонского моста. Обалдел, когда Ария буквально упала мне в руки. Вот это совпадение, да?

– Ты *упала* ему в руки? – Макс даже не пытается скрыть удивление.

– Меня *столкнули*.

Макс пожимает плечами.

– Пойдем, куплю тебе пива, – говорит он Джонатану, а потом по-мужицки хлопает его по спине.

Он не может общаться просто словами? Макс мне нравится, но по большей части мы препираемся, словно брат с сестрой. Для меня он загадка, которую я все еще пытаюсь разгадать, но меня приводит в восторг то, как он любит Розы и обращается с ней, словно та спустившаяся с небес богиня.

– Так твоя встреча...

Розы перебивает, подходя к нам:

– Как здорово снова тебя увидеть, Джонатан!

Я закатываю глаза.

– Я спрашивала у Джонатана...

– Держи, братишка, – Макс передает Джонатану пиво. – Давай до дна. У тебя, похоже, был тяжелый день.

Я никогда не услышу ответ на свой вопрос, и внезапно это начинает казаться мне забавным.

Я сдаюсь и вместо этого слушаю своих друзей. Они познакомились с Джонатаном в тот же день, что и я, и это был настоящий успех. Тот вечер пролетел незаметно и закончился прежде, чем мы успели это понять. Как и все лучшее в жизни.

Но вот мы здесь. Мне нравится, что Макс ведет себя так, будто вполне логично было встретить Джонатана, тогда как для меня это оказалось сродни удару молнии.

Правда, Макс, я полагаю, не вспоминал о нем так часто, как я. Между нами с Джонатаном тогда установилась какая-то связь, и я не могла забыть его, как бы ни старалась.

Макс уводит Джонатана, чтобы представить кому-то, и Роза пользуется возможностью, чтобы устроить мне допрос.

– Я видела, что вы *целовались*.

Я неловко смеюсь.

– Он так смотрел мне в глаза, будто мы давно разлученные родственные души, я просто среагировала. Черт, этот парень умеет целоваться. Прозвучит глупо, но меня охватило такое странное чувство, будто годами я ходила во сне, а когда его губы коснулись моих... Я пробудилась. – Я прикасаюсь кончиками пальцев к губам, вспоминая ощущение.

– Вау, это же здорово, Ария. Очень здорово. Здорово.

– Почему ты так говоришь?

Она хлопает глазами.

– Как?

– Здорово. Здорово, здорово, здорово.

Она обнимает себя руками и отвечает:

– Ты была так уверена в том, что больше никогда не влюбишься. Думаю, это показалось мне настоящей храбростью.

Ее глаза стекленеют. Бедняжка Роза втайне переживала обо мне и о моем статусе холостячки гораздо больше, чем казалось.

– Ты плачешь? – спрашиваю я. Роза никогда не плачет, если может этого избежать. В особенности перед другими людьми.

– Немного. Просто вы так идеально смотрите вместе. Словно пара с обложки какого-нибудь из твоих романов. За исключением того, что он одет выше пояса.

– Это очень мило, но я не *влюбляюсь*. – Я помню милое лицо моего мужа Ти Джея, его раскатистый смех. Помню свое обещание и проклинаю белое вино за то, что побуждает принимать необдуманные решения. Вот та мысль, что не давала мне покоя!

Я, черт возьми, забыла о своем муже!

От осознания собственного предательства начинает мутить, но я стараюсь сохранять спокойствие.

– Приятно осознавать, что мое сердце не обратилось в ледышку, но между мной и Джонатаном ничего не будет.

Пора сворачиваться. Перевести тему, как и все прочее.

– Эта идиотка Тори сказала, что у меня *врунянка*, намекая, что он мне нравится, а тебе прекрасно известно, что нет у меня никакой *врунянки*...

Она хмурится.

– Она сказала, что у тебя *врунянка*?

– Потому что ее план потерпел крах. А потом я отвлеклась, а сейчас я запуталась и мне пора идти.

Роза цокает языком.

– Будет тебе, Ария. Ты вечно разыскиваешь знаки, и вот он прямо перед тобой, огромный и неоновый. Джонатан во плоти! *Джонатан!* Мужчина, от которого, ты сама признавалась, у тебя заходит сердце. Тогда он уехал, и вы не обменялись номерами или другими контактами, а сегодня он вдруг случайно пришел в этот бар и спас тебя от неминуемой гибели, когда ты упала со сцены... Ты должна признать, что это даже лучше, чем любой из твоих любовных романов, потому что это по-настоящему!

Она так воодушевлена, что у меня болит сердце, хоть она и ведет себя слишком громко.

– И?

Я бы никогда не рассказала ей об этом, если бы думала, что встречу Джонатана вновь. С тех пор как я видела его в последний раз, притяжение между нами усилилось. И если бы не мое прошлое, я бы уже нежилась в его объятиях.

– И?.. – она приподнимает брови. – И *что* дальше? Что случится во второй главе?

Я качаю головой.

– Сейчас я отправлюсь в магазинчик «Долго и счастливо», заварю горячий чайничек чая – надеюсь, ему удастся облегчить завтрашнее похмелье, – и завалюсь спать как бревно.

Рот Розы приоткрывается.

– Ты даже номерами не обменяешься с парнем, который провел в твоём обществе двадцать четыре часа и слушал, как ты рассуждаешь о *ромком*, словно это самое увлекательное, что существует в *мире*?

– Можешь перестать делать *акцент*, потому что ромкомы и *правда* самое увлекательное, что существует в мире.

Она прицокивает.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Я думаю о Джонатане; он стоит в отдалении рядом с Максом.

– В прошлом году мне правда показалось, что он заинтригован деталями романтических тропов и различными развитиями сюжета, приводящими к «и жили они долго и счастливо».

Нечасто встретишь такого парня, ведь так?

Мы задумчиво попиваем вино, изучая его, и снова меня обуревают замешательство.

– Он симпатичный, в таком книжном стиле, – говорит Роза.

– Это что значит?

Она обводит рукой комнату:

– Ну, он сильно отличается от остальных парней, да?

Джонатан стоит среди моих друзей-кочевников, одетый, кажется, в брендовую одежду, совсем не такую обносившуюся, как у прочих, ведь мы живем в ограниченных пространствах и места для хранения вещей не так уже много. Но есть что-то большее: он кажется отстраненным и погруженным в себя, что моментально делает его привлекательным.

– Он похож на бухгалтера, – говорю я. – Ты это имеешь в виду? – Спрятаться за юмором разве не выход?

Мы сгибаемся от смеха, потому что он определенно *не похож* на бухгалтера.

– Могу поспорить, он творческий человек, – размышляю я, соглашаясь с предыдущим наблюдением Розы. – Это чувствуется в том, как он слушает, будто запоминает. И в его глазах, глубоких и ясных, как пруды, много грусти, терзания. От него исходит такое ощущение, будто он теряется, окруженный толпой, тебе не кажется? – Я такая же, разве что притворяюсь настолько хорошо, что могу обмануть даже самого проникательного.

– Да неужели, Ария?

Я краснею.

– Ну, наверное, я предпочитаю тех, кто держится в тени, тем, кто во всеулышание объявляет о своем присутствии.

– Да, да, это я поняла. Так чем он *на самом деле* занимается? – спрашивает она.

Я раздумываю.

– Мне кажется, он не упоминал.

– Похож чем-то на Кита Харрингтона, да? – говорит она, разглядывая его.

– Так теперь у нас есть и Джейсон, и Кит? Вот уж повезло! – смеюсь я.

Когда я только встретила Макса, я была уверена, что это Джейсон Момоа, большая мускулистая звезда сериала «Игра престолов». Я спросила у Розы, но она никогда о таком не слышала. Вскоре я заставила ее запоем посмотреть все сезоны, и даже она признала, что сходство

было удивительным. Теперь я смотрю на Джонатана и понимаю, что она права насчет Кита. Эти же хмурые глаза и чувственно надутые губы.

Я пару раз смаргиваю, чтобы вернуться в реальность. *Успокойся, Ария, прежде чем пожалеешь.*

Глубоко вздохнув, я говорю:

– Он слишком мил для такой, как я. Просто сделаю ему больно, когда решу, что происходящее между нами ошибка. Каковой она и является. – Я целую Розу в щеку. – Пойду. Я слишком пьяна, чтобы соображать.

Ее лоб прорезают морщины.

– Но...

– Никаких «но». Я пошла.

Как истинный страстный поклонник любовных романов, я знаю, что всегда безопасней влюбиться в выдуманного парня.

– Хотя бы провожу тебя к метро. Или лучше попросить Джонатана?

Я пихаю ее бедром.

– Кажри собиралась уходить еще полчаса назад, так что я дойду с ней.

Если честно, я хотела побыть одна: в ушах звенело, голова была как ватная, и поглощало чувство, будто я допустила ошибку.

Прежде чем Роза сможет меня отговорить, я разворачиваюсь на каблуках и позволяю толпе поглотить меня. Мне нужно побыть одной. И клянусь, в будущем каждый второй бокал вина буду заменять водой...

Глава 3

Гринвич, Лондон

На следующее утро я просыпаюсь медленно, во рту сухо, как в учебнике по математике или как в чем-то схожем по своей невыразительности. Я потягиваюсь, и мышцы болят. Сперва я задаюсь вопросом, почему, пока на меня не обрушиваются воспоминания о прошлом вечере, словно кто-то включил фильм на невыносимо низкой скорости.

Пресвятой властелин колец, не говорите мне, что я вертелась вокруг стула на сцене! Я морщусь, будто от этого будет легче переживать эти воспоминания, но это не помогает. Я все еще вижу себя во всей красе «Ропу», танцующую (и вертящуюся!), будто мне за это заплатили. Ну, Тори не сможет отрицать, что я выложились на полную, – но потом еще одно головокружительное воспоминание обретает форму.

Нет, нет, нет, *неееет!* Я успокаиваю себя. Нет ни единого шанса, что я кого-то поцеловала.

Но воспоминание упрямо, оно до боли медленно прокручивается в сознании. Я буквально падаю в руки Джонатана. Страстно целую его, снова и снова. Ощущение его теплых губ на моих. Хмельное чувство желания, которое я не ощущала уже очень давно. *И тому есть хорошая причина*, отчитываю я себя. К счастью, воспоминание оканчивается тем, как я выбираюсь из паба рука об руку с Кажри.

В дверь стучат, и появляется лицо Розы, в ее глазах читается вопрос.

– Ты не спишь! – говорит она. Розы выглядит невероятно свежо, несмотря на события прошлого вечера, и заходит в фургон, неся тарелку с двумя кусочками лимонного торта. Выглядит аппетитно!

– Я, может, и не сплю, но я в процессе «вспоминания», и это нехорошо, совсем нехорошо. Надеюсь, что, когда я тебе расскажу, ты ответишь, что все это лишь сон... – Я прикладываю ладонь к пульсирующей голове и стараюсь сдержать распространение паники.

– Давай я заварю чай, – говорит Розы, избегая моего взгляда. Она ставит тарелку на кофейный столик – это не совсем настоящая мебель, скорее, небольшой куб прозрачного оргстекла, взгроможденный на стопку книг в твердой обложке.

Я сажусь на краешек кровати и накидываю халат, в воздух взмывают, танцуя, пылинки. В моем крохотном фургоне места немного, и нет такой чистоты, как у Розы. Но обстановка меня успокаивает: каждый уголок и закоулок заполнен книгами, свечами, безделушками. Даже на моей кровати полно книг, для сна остается лишь небольшой клочок пространства. Розы уверяет меня, что это гиблое место, и клянется, что как-нибудь она заглянет и обнаружит меня задохнувшейся.

Ария Саммерс трагически убита своими подругами Норой Эфрон и Кристен Хиггинс...

Несмотря на то что пульсировало все тело, я умудрилась усесться на стул с чашкой чая в руке.

– Скажи мне, что я не целовала Джонатана.

Она сдувает пар с поверхности чая.

– А что, если и так, Ария?

Я стону.

– И ты мне позволила?

– А почему бы и нет?

Я склоняю голову.

– Ты знаешь почему, Розы.

Она выразительно смотрит на меня, я смотрю в ответ. В конце концов она вздыхает и говорит:

– Порой нужно просто прислушаться к своему сердцу, Ария, и это как раз один из тех случаев.

– Очевидно, что решение принимало не сердце, а лошадиная порция белого вина. Тьфу. Я, черт возьми, *забыла*, что я замужем!

– Ты вдова.

– Одно и то же. – Становится все сложнее отследить эту грань, надежды о любви расцветают сильнее, когда меня повсюду окружают парочки. «*У меня это было*, – хочется закричать мне, – *и я скукаю по этому!*»

С ее губ срывается фырканье.

– Ты можешь лгать себе, но я подыгрывать не буду.

Я хмурюсь.

– Я не делаю ничего подобного.

– Да неужели?

– Да, Опра. Я не лгу.

– Тогда зачем ты его поцеловала? Я видела тебя выпившей и прежде, и тебя никогда не интересовали мужчины, несмотря на то что некоторые подбивали к тебе клинья.

Самое время так драматично закатить глаза, что это отдается болью в голове.

– Что? Да если бы. Ты так говоришь, словно мужчины мне в ноги падают.

– Так и есть! Но ты никогда этого не замечаешь, Ария, потому что не *хочешь* замечать. Мужчины вокруг тебя кругами ходят, разве что язык не высовывают, словно потерянные щенки, виляющие хвостом и ждущие, пока ты обратишь на них внимание.

Я выслушиваю эту нелепость, и с губ срывается смешок.

– Не смейся, это правда. Но с Джонатаном все по-другому. В *море* мужчин ты видишь лишь его.

– В море мужчин! – я хихикаю над ее гиперболами. Конечно, рядом всегда много мужчин, но они такие же путешественники, скорее, оберегающие старшие братья. – Это неважно, Розы. Даже если бы он был чертовым прекрасным принцем, это бы не имело ни малейшего значения. У меня уже была невероятная история любви, и этого достаточно. Было бы нечестно по отношению к Ти Джею, если бы я вела себя, как потаскушка.

Она приподнимает брови.

– Ну, это уже слишком. Разве Ти Джей хотел бы, чтобы ты жила затворницей? Думаю, нет. Мне тяжело смотреть, Ария, как ты выводешь «*Конец*» на своей жизни с тех пор, как не стало Ти Джея.

Я вздыхаю и отпиваю чай, голова трещит от самобичевания.

– Но это же не конец, да, Розы? Я все еще жива, я здесь. Я продолжаю жить, как могу. И наслаждаюсь тем, что могу. Правда. – Эти возражения кажутся родными, я столько раз произносила их, что какая-то часть меня задается вопросом, верю ли в них я сама.

– Ты ушла, не попрощавшись с Джонатаном.

Я отвожу взгляд.

– И что?

– Ты меня не обманешь.

– Я и не пытаюсь.

Она раздосадованно стонет.

– Ты упустишь отличного парня, Ария, и, может, ты способна врать всем, включая себя, но не мне. Я вижу одиночество в твоих глазах, когда ты думаешь, что никто не смотрит. Я видела вчера, как ты грустно рассматривала все парочки в комнате и как ты буквально *засветилась*, когда была с Джонатаном, – она хлопывает меня по руке и говорит робко: – Это нормально – хотеть любви. Ти Джей бы хотел ее для тебя.

Что бы подумал Ти Джей, если бы увидел меня сейчас? Проснувшуюся с гнездом на голове, с красными от недосыпа глазами, поцеловавшую парня, которого я едва знаю? Это пахивает жизнью на грани, и в очередной раз я сомневаюсь в том, что я на своем месте. Что я творю?

– Что бы там ни было прошлым вечером, это была ошибка. Миллионы женщин живут полной, *счастливой* жизнью без партнера. Чем я отличаюсь? Мне не нужен кто-то, кто дополнял бы меня, как последний кусочек пазла. Я самодостаточна и так. – *Ложь, ложь, ложь.*

Есть в Джонатане что-то бесконечно завораживающее, но мое разъеденное чувством вины сердце не может поддаться этому искушению.

– Я не говорю, что тебе *нужен* Джонатан. Я говорю, что ты *хочешь* Джонатана. Разница велика. И не обязательно вступать в отношения, можно просто начать с дружбы.

– Я приму твои слова к сведению. – Я корчу недовольную гримасу. Обсуждать мальчишек гораздо веселее, когда я донимаю Розу, а не наоборот.

Она кладет руки на бедра и издает настолько театральный вздох, что ей причитается какая-нибудь награда.

– Когда тыходишь в режим собеседования, я знаю, что связь утеряна.

Я встаю и принимаюсь складывать покрывало.

– И притворяешься, что занята уборкой. Тогда разговор точно окончен.

Я тоже смеюсь, зная, что она меня раскусила. Я никогда не прибираюсь в книжном магазинчике, только пылесосу. Даже комки пыли – мои друзья. В этом привлекательность маленького пространства. Оно заполнено под завязку любовными романами, воздух пропитан тонким запахом старых книг и розовых свеч. Багряные и цвета морской волны бархатные подушки придают всему атмосферу романа о Гэтсби, а плюшевые пледы покрывают пол для клиентов, которые отыщут книгу и захотят провести тут день.

Книги заполняют полки и лежат в неупорядоченных по алфавиту стопках прямо на полу, создавая теплое, уютное райское местечко, освещенное гирляндами и чудными свечами, если Роза не задувает их, читая нотации о пожарной безопасности и зольных ящиках.

– Ну, и какой у нас план? – я ловко перевожу тему, чрезвычайно невозмутимая.

– Если ты настаиваешь на том, чтобы сохранить положение старой девы, тогда, полагаю, надо собираться и завтра отправляться во Францию. Там будет ярмарка, и я уже заметила пару фестивалей.

Я приподнимаю бровь.

– Дай посмотрю на твой план, Роза, и не притворяйся, что ты не расписала каждый наш шаг.

На ее щеках расцветает румянец, и она достает из сумки блокнот.

– Ладно, ладно, я набросала небольшое расписание, необязательно следовать ему в точности... – она приподнимает плечи. – Но оно очень надежное, поэтому было бы неплохо.

Блокнот открывается, и я вижу нескончаемые страницы с заметками.

– Черт возьми, Роза. Франция не на другой планете, ты же в курсе?

Некоторые вещи не поддаются расчету. Но Роза – настоящий организатор и всегда им будет.

– Я знаю, но мы едва говорим по-французски, и я хотела убедиться, что мы предусмотрели любую ситуацию. – Она, обеспокоенно вздохнув, перелистывает страницы. – Думаю, я все учла.

Я забираю блокнот из ее рук; он тяжелый от чернил и печалей.

– Роза... – я не знаю, что сказать. – Это же несколько недель заняло.

Она пытается отшутиться.

– Да, все вместе около шести. Наверное, мне все же тревожней покидать Великобританию, чем я думала.

Обеспокоенная Роза предусмотрела любую ситуацию, в которой что-то может пойти не так, и нашла возможное решение. Я пробегаюсь глазами по заметкам и натываюсь на ту, что вызывает у меня улыбку.

– Дома с привидениями, которых стоит избегать во Франции?

Она изучает свои ногти, будто в них есть что-то интересное, и небрежно отвечает:

– Лучше быть готовыми ко всему. Это старый город, и я думаю, что уж лучше мы туда отправимся полностью осведомленные.

Я с трудом сдерживаю веселье, потому что знаю: она серьезно, но это почти невозможно, я чувствую, как дрожат мои губы. Роза такая забавная и даже не понимает этого, наверное, потому, что искренне верит в подобные вещи.

Собравшись, я говорю:

– Думаешь, нас прикончат призраки?

Роза странным образом одержима тем, что представляет свою кончину, часто чудовищную. Сбежавшие преступники с фетишами на светлые волосы (такие, как у нее), внезапные взрывы, вампиры, Эбола, стаи диких животных... что бы вы ни назвали, она точно об этом думала.

– Это возможно.

На ее лице серьезное выражение, и я не могу понять, накручивает она меня или нет. У Розы много различных фобий, что делает ее просто потрясающей, но порой из-за этого ее сложно прочитать.

– Ладно, ну, я рада, что ты сделала заметку о том, каких мест нам стоит избегать. Кто вообще захочет смотреть на шикарный старый замок?

– Это сарказм?

– Да.

– Ты злока.

– Это правда.

– Ладно, раз это мы прояснили, ты готова ехать завтра утром? Около десяти?

– Меня тут ничего не держит, если ты об этом.

Лучше, как обычно, сбежать, Ария...

– Ага.

– Ну, пожалуй, я могу сказать пока-пока, Англия, и *bonjour*², Франция.

– *Oui, oui*³, – она целует меня в щеку. – Давай, берись за дело, и встретимся в обед. Последний раз отведаем фиш-н-чипс, прежде чем покинем родину, ага?

– Разве есть что-нибудь, что лучше поможет оправиться от прошлого вечера?

Ее глаза блеснули.

– Есть, если ты Макс. Он уже настоял на том, чтобы я выпила сок из ламинарии, что бы это такое ни было.

– Передай ему, что водоросли тоже живые.

– Будет сделано, – усмехается она. – Я вымою Поппи и проверю, чтобы все кухонные приспособления были на месте, нам предстоит долгая дорога. Встретимся в полтретьего и пойдем в паб?

Я киваю.

– Идеально.

Я машу ей на прощание и плюхаюсь обратно на стул, чтобы все обдумать. Францию, Джонатана, Ти Джея. То грандиозное путешествие, что нас ждет. Я умудрилась прожить больше тысячи дней без мужа. *Тысячу дней*. Это кажется вечностью, хотя будто не прошло и дня.

² Привет (*фр.*).

³ Да (*фр.*).

Сейчас, когда я думаю о нем, кажется совершенно диким, что какой-то другой мужчина смог вскружить мне голову.

Искра между мной и Джонатаном вспыхнула, и неважно, что я пытаюсь это отрицать, но пьяный поцелуй – вряд ли начало отношений? Я все еще могу защитить свое сердце и забыть об этом.

Каждый раз, когда я оказываюсь на распутье, я воображаю себя главной героиней любовной истории, чтобы во всем разобраться. Минус одержимости любовными романами – ты все, даже собственную жизнь, воспринимаешь, словно очередной роман.

Безнадежный романтик Ария после смерти мужа Ти Джея поклялась больше никогда не любить, но у судьбы, кажется, были свои представления на этот счет, и она раз за разом сталкивала ее с загадочным Джонатаном. Была ли это проверка ее верности мужу, или знак, что ей стоит открыть сердце и разум и попробовать влюбиться вновь? Кочевница по природе, Ария не видит в этом смысла, ведь для нее дом всегда где-то далеко, там, где заканчивается очередной участок пути...

Глава 4

От Лондона до Кале

После гораздо более успешного сна *без* алкоголя я собралась и уже готова к отъезду. Я завариваю чай и усаживаюсь за небольшой столик на улице, восхищаясь солнечно-чистыми небесами, и жду, пока появится Роза. Набухшие серые облака со вчерашнего дня исчезли, а вместо них я вижу расстилающийся ярко-голубой небосвод. Щебечущие птички и резвые бабочки словно пытаются уговорить меня остаться.

До сегодняшнего дня весна была унылой и грязной. Лондон, хитрое создание, расстался аккуратно к нашему отъезду. Вот-вот мы снимемся с этих знакомых берегов.

Вскоре Роза присоединяется ко мне, чтобы исполнить наш привычный утренний ритуал: я протягиваю ей чашку чая, а она мне – маффины с шоколадом. Она возбужденно тараторит, пока я постепенно просыпаюсь, напиваясь чаем, чтобы прийти в состояние общительности. Наша Роза – одна из тех раздражающих людей, которые живут по принципу «*кто рано встает, тому бог подает*».

– Откуда внезапно это великолепное солнце?

– Это незаконно, – соглашаюсь я, откусывая мягко-шоколадную восхитительность, чтобы сахар помог моему телу пробудиться.

Красивые цветы – всплески цвета в саду.

– Это ложная весна. Все снова станет серым, как только мы пересечем границу.

– Я знаю, – смеюсь я. – Родина пытается усыпить нашу бдительность, внушив ложное чувство безопасности.

– Просто возмутительно. – Она откусывает маффин.

– Меня ни на секундочку не обманешь! А где Макс?

– Охраняет территорию, – невозмутимо говорит она.

Я смеюсь над ее объяснениями.

– Бегаешь?

– Да, наверное. Никогда не пойму этого его желания так напрягаться с утра первым делом. – Она виновата смотрит на сладкую, пропитанную калориями выпечку в своей руке, а потом жмет плечами и продолжает есть.

– Надо ему как-то поддерживать форму. – Макс глянцевоый и загорелый, не мужчина, а настоящая гора. Для нас, честно говоря, загадка, как ему удастся держать вышеупомянутую форму на веганском, безуглеводном питании без сахара. Роза, разумеется, полная противоположность: она готовит старомодную душевную еду (углеводы с сахаром, специями и прочими милыми штучками⁴) и не бегаешь, если только за ней не погонится нечто ужасное.

Роза и Макс – мое любимое воплощение романтического тропа «противоположности притягиваются». Макс – безмятежный, борющийся за планету пацифист, а Роза – высокопродуктивный организатор, не всегда удачно вступающий в социальные взаимодействия. Они идеально дополняют друг друга, а также доказывают, что любовные романы – это руководство по тому, как жить, и годятся не только для того, чтобы приятно провести время.

– Мы, конечно, обсуждаем здоровое питание, диеты и тренировки, но могу ли я соблазнить тебя парой булочек с большим количеством джема и топлеными сливками?

– Можно попробовать. – Я смахиваю крошки от шоколадного маффина, который я только что проглотила. Роза говорит, что я как бездонная бочка, и она бы меня возненавидела, если

⁴ «With sugar and spice and all things nice» – слова из вступительной песенки известного мультсериала «Суперкрошки» (Powerpuff girls).

бы не любила так сильно. Она аппетитная, а я прямая, как доска, – я знаю, какой бы предпочла быть, будь у меня выбор между этими вариантами, но Розы мне не верит.

– Никуда не уходи.

Через несколько минут она возвращается с тарелкой свежее испеченных, еще теплых булочек.

– Обалдеть, ты во сколько проснулась?

– В четыре, – смущенно признается она. – Не могла спать. Важный день.

Бедняжка Розы. Любые перемены даются ей нелегко, и я знаю, что она терзается гораздо сильнее, чем показывает. До рассвета она выдраивала изнутри свой фургон, Поппи, а потом, наготовив на орду, вымывала все снаружи, как только достаточно рассвело. Когда она паникует, то убирается. Убирается, убирается, убирается и снова убирается. И печет. И снова повторяет весь цикл уборки, пока все остальные спят как убитые.

– Но все готово? – какая-то часть меня переживает, что Розы все отменит, решив, что уезжать слишком рискованно. Она сильно изменилась за прошлый год, но глубоко внутри она всегда будет бояться, что неизведанное – значит небезопасное.

Она потирает шею.

– Это будет настоящее приключение, я переживаю, но знаю, что у меня будешь ты и Макс, так что чего переживать? – ее голос дрожит, и я ободряюще улыбаюсь тому, как Розы храбрится. – Как закончим, я еще раз проверю Поппи, и тогда все будет готово к отправлению.

Я наклоняюсь к ней.

– Вот это настрой.

Пока мы болтаем, пара оставшихся путешественников заходят попрощаться.

– Останетесь на чай? – спрашивает Розы и удаляется в фургон, чтобы принести еще тарелок.

Лео, владелец «Роликов на дороге», крепко меня обнимает. Он собирается давать свои ретропрокаты в Корнуолле, чтобы поймать толпы туристов, которые съезжаются туда весной и летом.

– Я буду по тебе скучать, – говорю я, взъерошивая его волосы. Он один из любимых мною людей на маршруте, все из-за его не сходящей сияющей улыбки. Ему всего двадцать с чем-то, весь мир у его ног, и вся жизнь впереди. Почему не быть счастливым, когда ты на колесах, а день едва занялся?

– Будем на связи, да? – говорит он, своими крепкими объятиями выдавливая из меня весь воздух. – Я серьезно, хочу знать все про Францию и ваши невероятные приключения.

– Обязательно. Береги себя, ладно? Не гоняй по холмистым улицам и берегись слепых поворотов. Я хочу видеть *все* зубы в твоей улыбке, когда вернусь.

– Я постараюсь, – он усмехается, сверкнув своими белыми жемчужинами. – Но ничего не обещаю.

– Сорвиголова.

– Книжный червяк.

Я смеюсь.

– И горжусь этим!

– Я буду так скучать по вам обоим, – говорит он и обнимает Розы. Я вижу, что она пытается не быть деревянной, как солдатик, но Розы не слишком любит публичные проявления привязанности.

– Не забывай надевать шлем, который я тебе подарила. У него самая высокая прочность среди всех моделей. Я сама проверяла, – говорит Розы.

– Непременно, Розы, и не буду слушать никого, кто будет из-за этого звать меня слоньем. – Я еле держу себя в руках. Шлем, который Розы купила Лео, похож на тот, что надевали

на «Апполоне-11», и я ума не приложу, как Роза может этого не замечать. Но вы же знаете Роза: для нее безопасность на первом месте.

– Слюняем? Но это же для безопасности, я не понимаю, – говорит Роза, ошеломленная отношением других к безопасности.

Он пожимает плечами.

– Зависть – плохое чувство. Не обижай травоядного, ладно? – просит он Роза за Макса, местного поглотителя растительности. Роза пытается изо всех сил поддерживать разговор, но в глазах у нее блестит смутение: должно быть, представляет, какое еще снаряжение ей надо было купить, чтобы обеспечить безопасность Лео.

Я придвигаюсь к ней и забрасываю руку ей на плечо. Мы обмениваемся взглядами, и я едва заметно киваю ей, что можно признаться в том, что мы знаем его секрет. Она шепчет:

– Ты тоже присматривай за Лулу!

Мы прикрываем рты, чтобы сдержать хихиканье, – как же мы порой похожи на детей!

Он приподнимает бровь.

– Так все уже знают?

– Да как же от нас скрыть, – шутливо жую его я. Но все мы знаем, что юная любовь на дороге хрупка. И совсем не помогает, что следят за каждым твоим шагом, а слухи расползаются сродни пожару. Лучше держать все в секрете, пока чувства не укрепятся. Я столько об этом знаю... Потому что постоянно сижу в первом ряду этого спектакля.

Лулу присоединяется к нам, она, как всегда, пахнет своими любимыми сиреневыми цветами. Она владелица «Лаванды Лулу», магазинчика, который продает натуральную, своего производства, продукцию для ванн, от мыла до шампуней и всего прочего. Душа у нее нараспашку, и она настоящая миролюбивая хиппи, словно возродившаяся из прошлого.

Я отклоняюсь, в последний раз наслаждаясь видом этих голубков, сердце пританцовывает от радости за них. Они оба – потрясающие люди, путешественники с большим сердцем, осторожно ступающие по нашей планете.

Мы не торопимся, поедая булочки, обильно сдобренные джемом и сливками, и попивая свежесваренный чай. Удивительно, что с тех пор, как в моей жизни появилась Роза, меня не разнесло до размеров дома. Но я хотя бы перестала есть полуфабрикаты и прочую гадость, которую я раньше поглощала, чтобы поддерживать в себе жизнь. Готовка – не сильная моя сторона, и я в принципе не интересовалась едой, пока в мою жизнь не ворвалась с криками Роза.

Все, что она готовит, она готовит с нуля, и, даже набитая сахаром и маслом, ее еда невероятно домашняя, напоминает воскресные визиты к бабушке, когда ты покидал ее дом с теплым сердцем и полным желудком.

Может, я смогу выносить ребенка от еды? Будет, кого любить...

Поделившись своими планами, Лулу и Лео благодарят нас и снова обнимают. Мы смотрим, как они уходят рука об руку.

– Никаких больше прощаний, мое сердце не выдержит, – говорю я, укладывая голову на плечо Роза.

Роза утешительно поглаживает меня по руке.

– Мы точно увидимся снова.

Странная это игра – скитальчество. Казалось бы, не настолько уж и сложно поддерживать связь, но никогда не выходит так, как планируешь.

Нестабильный вай-фай, дни, проводимые в разъездах, суетные фестивали, ярмарки – и вот уже люди, которые прежде занимали уголок в твоём сердце, сменяются другими людьми, которых ты встречаешь в путешествии. Эти особенные люди, может, и исчезают из нашей жизни, но я всегда буду помнить их открытость и дружбу.

– Надеюсь, скоро увидим в почтовом ящике приглашение на свадьбу! – я дергаю Розы и киваю в сторону Лео и Лулу, целующихся в отдалении, под тенью дуба.

– Из нее выйдет просто потрясающая невеста, да?

Я вздыхаю, воображая это.

– Великолепная! Так и вижу: длинные светлые косы, тонкое платье из органзы... – Я никогда не устану смотреть на зарождающуюся любовь. Никогда, никогда-никогда. – Босая, свадьба на пляже...

– Букет из колокольчиков и незабудок... – Лицо Розы сияет, мы поддаемся мечтам.

– Гирлянды из маргариток у цветочниц...

– Льняной костюм у подносителя колец, подушечка с лавандой и кольца с кварцем...

Я разглаживаю футболку.

– Как думаешь, она испугается, если мы ей это скажем?

Розы смеется.

– Вполне возможно, учитывая, что они встречаются всего неделю.

– Но когда ты знаешь, *ты знаешь*.

Они замечают, что за ними подглядывают, и мы принимаемся яростно махать и ободряюще завывать, словно гордые родители.

– Ладно, купидон. Давай последим за их страничками в соцсетях и, если появится хоть один намек на свадьбу, забросаем их нашими предложениями.

– Забросаем? – уточняет Розы.

– Осторожно сделаем мириады полезных замечаний... Может, лучше ограничиться вымышленными свадьбами? – В свадебный сезон я хожу на все *вымышленные* свадьбы – от исторических реконструкций до современных, и на каждой из них я плачу от счастья.

– Пока лучше ограничиться книгами, – говорит Розы. – Сможешь нарыдаться всласть, и не придется краситься водостойкой тушью.

– Верно, еще одно доказательство, что книги лучше реальности. Водостойкую тушь потом фиг смоешь.

Я поворачиваюсь к ней, внезапно окрыленная мыслями о свадьбах, детишках, о надежном будущем.

– А что насчет вас, Розы? Вы с Максом уже обсуждали это?

На ее щеках расцветает румянец.

– Обсуждали!

– Не говори ерунды! – с каждым слогом ее голос все выше и выше.

Я складываю руки на груди.

– А что такого? Я никогда не видела настолько влюбленной пары.

Она игриво замахивается на меня – верный признак, что говорить об этом ей неловко.

– И зачем тогда мне непременно нужна свадьба?

Я упираю руки в боки и говорю, словно это очевидно:

– Чтобы я могла ее спланировать!

Она принимается хохотать.

– И все?

– Ну, еще я хочу быть тетей. Представь ваших отпрысков, маленьких кудрявых красавцев, как они бегают, лазают по деревьям, говорят на четырех языках?

– Это слишком сентиментально, но да, я представляла. Мальчик и девочка на два года младше... я уже обожаю их, хоть мальчик немного сумасбродный, а девочка всегда пристает к Максиму и говорит исключительно с американским акцентом, как ее папочка. Разве это не сумасшествие?

Я двигаю бровями.

– И как их зовут?

Она пихает меня бедром.

– Я знаю, что ты уже все распланировала!

Наш раскатистый смех сопровождает меня весь день. Так приятно праздновать со своими друзьями эти маленькие победы. Мысль о том, что любовь может вырасти в настоящих маленьких человечков, сводит меня с ума, и я бы так хотела быть частью их семьи, эксцентричной, повернутой на книгах тетушкой, которая живет по соседству и учит их читать.

– Ладно-ладно, их *возможные* имена Алхимия и Гекльберри.

Мой смех умирает и превращается в тугой ком в горле, которым я почти давлюсь.

– Вау... Роза, это, эм-м, уникальные имена. Такие забыть сложно.

– Я подумала, что тебе понравится литературная отсылка на Гекльберри.

У меня подступил ком в горлу.

– О, замечательно! Я закажу «Приключения Гекльберри Финна», как только будет свободная минутка.

Она выразительно смотрит на меня.

– Ты серьезно подумала, что я назову своих детей Алхимия и Гекльберри?

– А что, нет?

– Нет.

– Слава богу! Я не знала, что сказать! Мы обе знаем, что у кочевников есть мода называть детей в честь самых странных вещей, и я подумала, что ты тоже это подхватила. Не пойми меня неправильно, мне нравится сын Сейдж, Квест⁵ и дочь Зигги, Фридом⁶...

– Ты ненавидишь их имена.

– Неправда! Эти имена прекрасно отражают их дух авантюризма! Что если Квест вырастет и станет исследователем? Квест отправляется на поиски приключений! Или Фридом станет адвокатом, борцом за права людей, и ее имя будет так ей подходить! Ладно, эти имена мне не нравятся, но я в этом никогда не признаюсь.

– Ты ужасная врунишка, Ария. Я выбрала для первого сына имя Индиго, а ровно два месяца и полгода спустя родится малышка Ария Роуз. Ты испортила сюрприз.

– Ария Роуз?

– Звучит здорово, ты должна признать.

– Очень красиво. И я очень польщена. И когда эти ангелочки осчастливят мир своим присутствием?

Она фыркает и, тяжело вздохнув (словно я испытываю границы ее терпения), достает планер, который всегда при ней. Она знает, как и я, что все уже запланировано, вне зависимости от того, могут ли сейчас появиться дети или нет.

С высшей степенью уверенности она говорит:

– Индиго должен родиться где-то в июне 2023-го, а малышка Ария – в январе 2026-го или около того. Это же не слишком рано? – она хмурится.

– Совсем нет. – Зная Роза, можно быть уверенным, что она придумает способ родить детей четко в то время, как это предписывает расписание. – А что говорит Макс?

Она презрительно фыркает.

– Он говорит, что надо позволить природе взять свое, и чем раньше, тем лучше. – Она сжимает пальцами переносицу, словно беззаботность Макса причиняет ей боль. – Но я пока не готова. Я все еще привыкаю к жизни на дороге.

– Я тоже, – говорю я и чувствую, что это правда. – Это длительный процесс.

– Что насчет тебя, Ария? Ты думаешь завести детей?

Я уклоняюсь от ответа.

⁵ Quest – приключение, путешествие (англ.).

⁶ Freedom – свобода (англ.).

– С помощью непорочного зачатия?

Она поджимает губы.

Я подмечаю время и, чтобы отвлечь ее, говорю:

– Ой, нам лучше собираться, если мы хотим уложиться в твоё расписание.

В дверь фургона стучат. Курьер с посылкой в руках.

– Ария Саммерс?

– Да, это я, – говорю я. Я заказала какие-то книги и забыла об этом? Или повязку, чтобы не смотреть на последствия своих неверных выборов? Может, пояс целомудрия, чтобы не давал мне забыть о том, что я убежденная холостячка?..

– Подпиши здесь, дорогуша. – Я подписываю, и он отдает посылку. – Хорошего дня.

– Книжки заказала? – спрашивает Роза.

Я подпираю подбородок пальцем.

– Может быть, только не помню, для кого. Я была уверена, что все уже отдала.

Большая часть моего бизнеса – заказывать редкие книги для клиентов и отправлять им за небольшой процент. Еще у меня есть онлайн-магазин, где мы поклоняемся любовным романам. Все подойдет, чтобы свести концы с концами. Жить в дороге – значит постоянно работать, чтобы путешествие могло продолжаться.

– Открой.

Я вскрываю коробку и обнаруживаю записку, написанную от руки, и что-то, похожее на дневник.

Когда я вижу имя в конце, сердце останавливается.

– Это от матери Ти Джея.

Я складываю письмо.

– Ты не собираешься прочесть? – спрашивает Роза, в глазах у нее любопытство. – А... это личное? Я пойду, дам тебе пару минут?

Я киваю.

– Спасибо, Роза.

Когда она уходит, я беру письмо и сажусь на краешек кровати, пытаюсь замедлить бешено колотящееся сердце. Вряд ли мать Ти Джея написала мне просто так? Я всегда надеялась, что мы сможем сохранить связь, но какая-то часть меня до сих пор злится, что они просто забыли меня, когда Ти Джея не стало. Его мать Мэри была инициатором этого решения: игнорировала меня на похоронах и не звала на дни рождения и семейные праздники после его смерти. Будто я для них больше не существовала. За мгновение я превратилась из любимой невестки во врага номер один. Было больно. Больно до сих пор. И несмотря на то что они вели себя со мной отвратительно, я все еще скучала по ним, особенно по Мэри, которая когда-то была мне как мать.

Дорогая Ария,

надеюсь, у тебя все хорошо. Правда, если ты хоть немного похожа на меня, ты просто проживаешь дни на автопилоте. Мир больше не такой без Ти Джея. Тебе не кажется, будто из всего словно высосали цвет? Солнце не такое яркое, и даже смех кажется мне странным, но я держусь. Что еще я могу сделать?

Он оставил этот дневник и проинструктировал отправить его тебе, но я потеряла его. За это я извиняюсь.

Мэри.

У нее этот подарок был три года, а она забыла? Все еще играет в игры, но для чего? Я ожидала от них лучшего, но горе – коварный зверь, так что я пытаюсь найти в себе сочувствие, отыскать оправдание ее поступку, придумать причину, по которой она скрывала это от меня, но

не выходит. Она винит меня в том, что я отняла у нее Ти Джея, когда он заболел, и отказывается внимать доводам разума.

Мои руки дрожат, когда я осторожно открываю дневник. Я захлопываю его, как только вижу петельки и закорючки его ровного почерка. Я никогда не видела, чтобы Ти Джей писал в дневнике, ни разу. Я смаргиваю слезы: в моих руках настолько драгоценная реликвия – его мысли, его слова, спрятанные под обложкой. Нет ничего лучше для такого книголюба, как я. Но когда он это написал? Что если это какой-то ужасный секрет, который он решил раскрыть?

Нет времени на размышления. Мы собираемся уезжать, а последнее, чего я хочу, – это читать в спешке. Я целую дневник и прячу его в прикроватную тумбочку, отчаянно желая снова увидеть мужа, но зная, что его слова – лучшее, что могло мне достаться сейчас.

Глава 5

Кале

Когда мы прощаемся со старым добрым Лондоном и начинаем наше путешествие, мои мысли занимает лишь дневник. Приятно оказаться одной за рулем фургона и свободно поразмышлять о своем. Я еду вслед за Максом, так что о дороге можно не переживать. Вместо этого я провожу несколько часов, воскрешая в памяти те удивительные приключения, которые мы разделили с Ти Джеем. Скалолазание, марафоны ром-комов, хождение под парусом, и мое любимое – прогулки под дождем рука об руку. Он любил свою жизнь, и я за это держалась.

После долгого времени за рулем мы приезжаем в Кале, паркуемся и выходим, чтобы размять ноги под теплым солнечным светом, изливающимся на наши затекшие тела. Вокруг слышен французский говор, и я улыбаюсь, вслушиваясь в этот поэтический язык. О-ля-ля, словно театральная постановка прямо на улице: мужчины яростно жестикулируют над крошечными чашечками с кофейным ликером, а женщины с загадочными глазами сидят, покуривая сигареты.

– Не слишком хочу снова столько ехать. Поппи болтало по всей дороге, – говорит Рози, лицо у нее побелевшее. Вести такую махину, как Поппи, – непростая работенка: даже для того, чтобы удержать ее на полосе, надо приложить довольно много усилий. Как и «Книжный магазинчик», розовый фургон Поппи обладала собственным сознанием и виляла из стороны в сторону, пытаясь привлечь к себе внимание. Они великие леди, которые прожили долгие и славные жизни, прежде чем попали к нам.

– Первый этап пройден, Рози. Ты молодец. Осталось меньше трех часов, и доберемся до Руана.

Она сдувает с лица волосы, и Макс обнимает ее. Он ничего не говорит, просто поддерживает, когда она в этом нуждается. Успокаивающее присутствие без всяких устных банальностей, потому что кому вообще нравятся банальности? Я люблю *любовь*, и когда вижу, как она сходит со страниц и воплощается в жизнь между этими двумя, становится тепло и уютно.

Но им это знать не обязательно.

– Снимите комнату.

Тревожность Рози в объятиях Макса быстро сменяется восторгом, она разглядывает все вокруг. Должно быть, частично из-за таких проявлений их любви меня внезапно поглощают фантазии: о Джонатане и о том как мы читаем рядышком друг с другом в мерцающем свете свечей. Ладно, не слишком уж страстная фантазия, но маленькими шажками и все такое.

Счастье Рози так заразительно, что я не сразу оцениваю открывающийся перед нами вид, но спустя мгновение вдруг замечаю их.

– Смотрите! – показываю я. – Отсюда видно белые утесы Дувра!

Они просто невероятны, и даже отсюда кажется, что их белизна словно излучает свет.

– Не могу сдержаться, песня застряла в голове. – Я начинаю напевать классический хит Веры Линн «The White Cliffs of Dover».

– Вау, – говорит Рози. – Хотела бы я прокатиться там на канатной дороге, увидеть их поближе.

– Я тоже. – В мире столько всего неизведанного, надеюсь, эта поездка во Францию вдохновит нас не останавливаться, ехать так далеко, как позволят наши фургоны. – Но пока нас ждет другое приключение. И это *Le Phare*, настоящий маяк.

Рози стонет: она не фанатка высоты.

– Сколько ступеней?

И физической активности.

Я притворяюсь, что не знаю.

– Не придуривайся, я тебя насквозь вижу.

– Ладно. Всего две сотни и семьдесят одна малюсенькая крохотулечная ступенька.

Она фыркает.

– Никогда не пойму, почему вам доставляет наслаждение причинять себе боль. Что классного в том, что будут ныть мышцы?

Я хватаю ее за локоть и веду.

– Из классного – вид, глупышка.

Мы находим маяк и покупаем билеты под бурчание Розы; ее голос становится громче, когда мы доходим до середины, и ноги уже начинают дрожать от напряжения.

– Напомните мне, почему мы не могли посмотреть на то же самое море с земли?

Я смеюсь.

– На такое сказать нечего.

Макс оставил нас далеко позади, и я в очередной раз праздно задаюсь вопросом, не супергерой ли он тайно. У него никогда не кончается энергия. Бедняжка Розы крикает, бурчит и проклинает день, когда с нами познакомилась.

Мы поднимаемся уже медленнее, груди (осмелюсь ли я сказать, чресла!) вздымаются. В конце концов мы вознаграждены великолепным видом с верхней площадки маяка. Макс уже у ограждения и машет нам рукой.

– Что скажешь?.. – подстрекает ее Макс, улыбаясь. Я отмечаю, что у него дыхание не сбилось ни на йоту.

Уперев руки в боки, Розы улыбается в ответ и, задохнувшись, выдавливает:

– Вау!

У подножия скалы разбиваются волны, и нас захлестывает соленый запах моря. Этого достаточно, чтобы восстановить наши силы после долгого сидения в фургонах, и я наполняюсь энергией, готовая продолжить наше путешествие.

– В следующей жизни я буду смотрительницей маяка, – говорю я, представляя себя укутанной в плед, с книгой в руке, и накатывающие на берег волны.

– Может, ты не заметила, но они сейчас не сильно в ходу, – отвечает Розы.

– Даже лучше, не придется работать. Я претендую только на вид.

Розы улыбается.

– Будешь как Рапунцель, а? Прятаться в своем замке.

– Что-то вроде того.

Я представляю будущую себя, затворницу маяка, и вижу, как подростки, подбегая, стучат в мою дверь, а потом взвизгивают и улепетывают, словно я новая Страшила Рэдли⁷. *Le* вздох.

– По кофе и идем на второй заход? – спрашивает Розы, заглядывая в свой планер. – По времени как раз укладываемся. – Она улыбается, как победитель.

Мы находим небольшую французскую кондитерскую, по стенам которой вьется ароматный жасмин, наполняющий благоуханием воздух. Отыскав стулья, мы усаживаемся плечом к плечу и лицом к улице, словно солдаты. Мне кажется странным, что французы не сидят вокруг стола, а смотрят вдаль. Меня уже пожурили во время прошлой моей поездки в Париж, когда я повернула стул, чтобы сидеть лицом к Ти Джею. Я узнала, что так не делают. От этого воспоминания я улыбаюсь, и какой-то дьяволенок внутри замышляет проделать это и сейчас, чтобы посмотреть, что будет, но я его приструниваю.

Через несколько минут официант принимает наш заказ: два *café au lait*⁸ и *tartelette fraises*⁹, а Макс достаточно травяного чая и свежего воздуха. Как он еще жив при таком питании, мне не понятно.

⁷ Артур «Страшила» Рэдли – персонаж романа «Убить пересмешника» Харпер Ли.

⁸ Кофе с молоком (*фр.*).

Следуя общепринятому кафешному этикету кочевников, мы достаем телефоны и подключаемся к открытому вай-фаю, чтобы проверить, какие новости могли пропустить с последней остановки. У меня вроде ничего. Мир продолжил вращаться и без моей помощи. Я пытаюсь не принимать это близко к сердцу.

Я вытягиваю руки над головой, наслаждаясь пребыванием вне фургона, когда вдруг заговаривает Роза:

– Тори интересуется, где мы останавливаемся в Руане.

Я стону.

– Ты шутишь?

– Нет, она говорит, что, если предложение еще в силе, она не против к нам присоединиться.

Я скрещиваю руки на груди.

– Какое предложение?

Макс слегка улыбается.

– Ну, мы всем заявили, что они могут присоединиться к нашему маршруту по Франции.

– Да, может, и так, но я не имела в виду ее! – шиплю я.

Он пожимает плечами. Макс один из тех людей, который ладит со всеми, и каждый хочет быть его другом. Более спокойным он был бы только мертвым.

– Она нормальная, ну, по-своему, разве нет?

Тори ни разу не подставляла Макса, не устраивала ему неудачных розыгрышей или других вещей, которым она подвергала меня и Роза. Он не знает о слухах про их с Роза полигамные отношения, которые Тори распространяла: никто не хотел быть тем, кто ему расскажет. Макс пацифист, но если дело касается Роза, то предсказать его реакцию нереально.

– Она немного гадюка, – говорит Роза.

Лицо Макса мрачнеет.

– А кажется безобидной.

– Говорит мужчина, который не понимает женских уловок, – отвечаю я, завидуя, что Макс может прожить день за днем и не замечать подобных вещей. А мы к ним словно предрасположены, лишь находясь в его окружении. Женщины крутятся вокруг Макса, а он словно не замечает их и не интересуется этим ни на йоту.

– Думаю, что и не хочу понимать, раз такое дело, – говорит он, и его огромные глаза вспыхивают от одной мысли, что кто-то может устраивать подлости Роза.

– Ты ей скажешь, где мы? – спрашиваю я. Но я знаю Роза, ее моральный компас всегда указывает на север. Она не тот человек, что сможет оставить кого-то за бортом: она знает из личного опыта, насколько это больно – даже если Тори этого заслуживает.

Она поднимает ладонь.

– Все в порядке, – заверяю ее я. – Если Тори что-то начнет, я ее пресеку, вот так просто. – Клубничная тарталетка взрывается всеми оттенками вкуса на моем языке, и я подумываю заказать добавку. Почему французские ягоды такие сладкие? Я мысленно отмечаю, что надо отыскать рынок и купить целое ведро сезонных фруктов и ягод.

– Что худшее она может сделать? – говорит Роза, морща нос.

– Мы в любом случае будем заняты, когда начнутся фестивали и ярмарки, да? – говорит Макс.

– Надеюсь, – отвечаю я жуя и пытаюсь прекратить думать о Тори. Я никогда прежде не путешествовала за границей, в то же время пытаюсь управлять бизнесом, так что я слегка опасаюсь, что все может пройти не так гладко, как на родине. Но мы есть друг у друга, и если

⁹ Тарталетки с клубникой (фр.).

вдруг наш план провалится, мы просто придумаем новый, ведь так? Мы же, в конце концов, не в Антарктике.

– Так, – говорит Роза, бросая взгляд на часы. – Пора бы нам уже отправляться в Руан. Надо будет найти лагерь, пока не стемнело.

Я допиваю кофе.

– Жду не дождусь!

Я всегда хотела путешествовать по Франции, останавливаясь по возможности в каждой из крохотных провинций, находить разбросанные в глуши бриллианты. Я люблю Париж – а кто, воспитанный на истории литературы, не любит, – но есть что-то особенно волшебное в том, чтобы колесить по стране, выбирая местечки не настолько большие и суетливые, как город света.

Какие сокровища мы отыщем?

Когда мы покидаем кафе, Роза подбирается ко мне ближе и шепчет:

– Как письмо? Нормально?

Она единственная, кто знает его историю. Обычно я не распространяюсь насчет Ти Джея, упоминание о нем бывает неловким и стопорит разговор на полпути. Легче притворяться, что я беспечная странница, которая влюбляется лишь в вымышленных героев. Легче, чем признать, что я девчонка с разбитым сердцем, бегущая от своего прошлого.

Я размышляю, стоит ли вдаваться в подробности, но решаю быстро рассказать Розе основное, чтобы она не волновалась.

– Его мама, Мэри, потеряла дневник Ти Джея и нашла только сейчас. Она отправила его мне, сопроводив небольшим письмом. Там сказано лишь, что ей тоже сейчас тяжело.

Если честно, у меня не выходит думать ни о чем, кроме дневника и его содержимого, но я должна прочесть его в одиночестве, когда буду точно уверена, что никто не сможет меня прервать.

– Ох, Ария, не знаю, что и сказать. Ты будешь ей отвечать?

Я обдумываю ее слова.

– Сложно предсказать, не вскрыет ли это старые раны, понимаешь? Мы обе все еще страдаем от них...

Мне *надо* ей написать. Как минимум она этого заслуживает. Но поможет это или навредит – я не знаю.

Роза приподнимает брови.

– Но когда-то ты любила свою свекровь.

Я укрываюсь руками от бриза, дующего с моря.

– И она любила меня. Но времена изменились, Роза. И я не знаю, получится ли все вернуть. В нас еще много обиды.

Кивнув, она говорит:

– Прочти сперва дневник, посмотрим, может, что-то прояснится.

Я обдумываю это, оглядываясь на глубоко-синий океан, едва виднеющийся вдали.

– Да, конечно. Можно было бы подумать, что я его за один присест прочту, как обычно, но я хочу его растянуть. Это словно подарок от него, и я должна им насладиться.

– Я понимаю. Это правда невероятный сюрприз, как и то, что в конце концов она его отправила...

– Да, ты права. Не думаю, что она умышленно хотела причинить мне зло. Она не такой человек. Но ее сердце разбито, и я могу это понять. Хотела бы я просто позвонить ей и объяснить, что все не так однозначно.

– Я всегда рядом, если нужно будет поговорить, ты же знаешь?

– Спасибо, Роза. Буду рада, как мы устроимся.

Я обнимаю ее. Роза всегда ратует за восстановление мостов после семейных размолвок, потому что на собственном опыте узнала, что иногда может стать слишком поздно.

Кофеин и торт оживили нас, и мы торопимся перепроверить карты, а потом забираемся каждый в свой фургон и отправляемся в Руан. Мы едем конвоем из трех человек: впереди Макс, следом я и Роза.

Через несколько часов линию горизонта пронзают шпили Руанского собора, и мой рот открывается в восхищении. Немного спустя мы проезжаем средневековый городок, и я поражена его красотой. Старые дома, облицованные цветным деревом, выглядят почти по-шекспировски, в стиле эпохи Тюдоров. Это словно смотреть на открытку в реальной жизни, но времени все разглядывать нет: я еду за Максом и надеюсь, что Роза за мной тоже. Мы паркуемся в лагере, и Макс жестами показывает, что сходит в офис, чтобы нас зарегистрировать. Пока его нет, мы с Розой решаем воспользоваться моментом, размять ноги и оценить парк.

– Так, – Макс возвращается и показывает в самый конец парка. – Мы там, рядом с рекой.

– Супер. – В Руане мы будем всего пару недель, но я уже знаю, что сюда мне захочется вернуться, чтобы слоняться по спрятанным переулкам и крошечным бульварам.

– Пока мы ехали, я почувствовала, что город излучает невероятную энергию.

– Да, здесь симпатично, – говорит Макс. – Менеджер, Антуанетт, рассказала, где будет проходить ярмарка, это всего в паре шагов от лагеря, так что будет легко перемещаться.

Наша первая ярмарка во Франции – и сразу большая, известная тем, что является приютом для многих экзотических продавцов со всей страны. У нас получилось забронировать места благодаря связям Макса. Его мама Нола – королевской крови в кочевническом обществе, она стояла у истоков создания этого движения много лет назад, так что теперь знает, как выжить практически на любом континенте. Мы заранее составили список мероприятий, на которых собираемся появиться, подали заявки и заплатили взносы, чтобы по прибытии быть на шаг впереди.

– На изучение будет неделя до ярмарки, – говорит Роза. – Хотя мне придется начинать приготовления как можно скорее. Мне нужно сделать новую партию джема и смешать литературный чай.

Как только мы поставили фургоны и подключились к электросети, я принимаю душ и переодеваюсь в удобную одежду. Я проверяю свой онлайн-магазин и с радостью отмечаю большой заказ на книги Мейв Бинчи¹⁰. На то, чтобы откопать их за выдавшей виды оттоманкой, уходит не больше тридцати секунд. Я заворачиваю их в крафтовую бумагу и пишу цитату самой легенды о том, что мы никто, пока нас не любят... Завтра схожу на почту.

Разобравшись с делами, я отправляюсь в фургон к Розе, чтобы обсудить планы на завтра (ладно, еще потому, что она накормит меня настолько сытным ужином, что я смогу впасть в пищевую кому).

Я стучусь в дверь и обнаруживаю, что они сидят бок о бок за обеденным столом. Макс здесь выглядит огромным, словно его засунули в кукольный домик.

– Ну что, голубки... чем хотите завтра заняться?

– Мне нужны кое-какие запасы для ярмарки, – говорит Роза. – Но, кроме этого, я просто собиралась ходить за вами. Я сегодня совсем без сил. Надеюсь, туман рассосется, и завтра я проснусь полной сил.

– Хороший сон решает все проблемы, Роза.

У нас была тяжелая неделя: все эти прощания, все эти бокалы вина.

– Я подумала, что после завтрака отправлюсь в город. Уверена, что какой-то книжный шкаф позовет меня по имени, и тогда, с большой вероятностью, я найду Нарнию и больше не вернусь.

¹⁰ Ирландская романистка, газетный колумнист и лектор.

Она смеется.

– В таком случае лучше за тобой приглядеть. Я была бы рада найти какие-нибудь кулинарные книги о французской выпечке. А ты, Макс, чем хочешь заняться?

Он проводит рукой по своим крупным локонам.

– Я планировал уйти один, чтобы спланировать небольшой сюрприз...

– Сюрприз? – лицо Розы становится красным, по-настоящему красным, и очень быстро. – Не для меня же?.. – Сюрпризы Макса обычно выходят с размахом, а поклонница безопасности Розы все еще привыкает к жизни на скоростной полосе.

Макс осекает ее одним взглядом.

Она опускает голову на руки.

– Почему я представляю свою неизбежную смерть, шаровую молнию, потасовку с ножами, что мной выстрелят из пушки в бездонный океан воды... ох, надо присесть, пока не упала. О боже, я *и так* сию. Черт.

Он пытается изо всех сил не улыбаться, но губы предательски дрожат.

– Точно. Ты не была бы Розы, если бы не представляла самые кровавые, ужасные, леденящие душу возможности покинуть мир живых каждый раз, когда на горизонте возникают новые впечатления.

Она выглядит ошеломленной.

– Это неправда.

– Разве? – подтрунивает он.

Я смеюсь:

– Правда на все сто.

– Что ты говорила, пока не попробовала дюльфер, картинг и зиплайн? И не забывай о езде на квадроциклах по лесу пару недель назад, – напоминает ей Макс.

Она хохочет.

– Это разумно – представлять, что квадроцикл может легко перевернуться, топливо разольется, и начнется пожар, который за секунду охватит сухой лес... все еще не могу понять, почему менеджер этого гиблого места обиделся.

– Да неужели? – ухмыляется Макс и приподнимает бровь. – Ты начала разбрасываться статистикой о том, сколько людей получает травмы на квадроциклах, и половина посетителей ретировались за полминуты, а ты не понимаешь, почему это могло его задеть?

– Из-за этого? Из-за этого он повел себя так бесцеремонно? Я ему услугу оказала, мог бы сказать спасибо!

– Ну точно. Думаю, только у тебя пунктик на выдумывание ужасных способов умереть.

– Ладно, хорошо, я правда представляю свою неизбежную гибель, но это лишь для того, чтобы я могла подготовиться, понять, что делать при *возможном* несчастном случае. Я бы не назвала это «выдумывать», господи, Макс. Ты так говоришь, будто я жду не дождусь, хотя на деле все совсем наоборот!

Он говорит, смеясь:

– В любом случае я тобой горжусь, Розы, и сюрприз тебе понравится. Тебе тоже, Ария.

– Отлично! Я бы не сказала, что я адреналиновая наркоманка, но я бы все в жизни попробовала...

– Почти все, – говорит Розы. – Кроме любви, да?

– Опять за свое?

– Вырвалось, – невинно говорит она. – Ладно, с этим решили. Давайте попируем, а потом спать, пораньше.

Музыка для моих ушей.

Глава 6

Руан

Отдохнувшая после долгой ночи сна, я иду искать Розы, крепко прижимая к груди упакованные книги Мейв Бинчи, не желая расставаться с ними. #ПроблемыКнигопродавца. Мейв всегда была одной из моих любимых писательниц. Ее романы из тех, к которым притягивает в плохой день, когда охота обнять старых друзей, у которых в жизни негладко точно так же, как и у тебя.

Розы погружена в разговор с менеджером лагеря, Антуанетт, и каким-то молодым парнем с суровым выражением лица. Она машет, мол, иди к нам.

– Привет, – здороваюсь я, замечая, что Розы выглядит напряженной, глаза бегают – привычные признаки того, что ей некомфортно и она близка к тому, чтобы сбежать. Я кладу ладонь ей на плечо, чтобы успокоить.

Нас представляют, и Розы сбивчиво объясняет, что взнос продавца на ярмарке сильно выше, чем мы думали. Почему этот человек разыскал нас в лагере вместо того, чтобы отправить письмо? Похоже на какую-то тактику запугивания.

– И почему же? – непонимающе уточняю я. – Мы получили письмо о взносе несколько недель назад. Мы согласились и уже оплатили.

Мужчина, Жан-Пьер, жмет плечами, и Антуанетт говорит с ним на французском, слова вылетают быстро, словно из пушки. Он снова пожимает плечами, и она вздыхает. Что бы ни происходило, Антуанетт, кажется, на нашей стороне, но удача – нет.

– Жан-Пьер говорит, что сейчас продавцов сильно больше, так что цены повышаются.

Я уверена, что нам пытаются навязать *налог туриста*, о котором мы так много слышали, и я не собираюсь уступать.

– Если продавцов больше, цена, очевидно, должна падать, не повышаться. Иначе он просто пользуется случаем. И он каждого из продавцов собирается осчастливить персональным визитом и потребовать больше денег или только нас?

Он скрещивает на груди руки и агрессивно бормочет что-то Антуанетт. Взгляд Жан-Пьера становится ледяным, и мой вслед ему тоже. Бедняжка Розы бегаёт глазами по сторонам, словно ищет возможность сбежать.

– Давайте просто уедем, – говорит Розы. – Найдем другую ярмарку.

– Ничего подобного. Мы спланировали это несколько недель назад, и я во всех соцсетях распространила информацию, что мы будем тут, так что мы никуда не уедем, – я поворачиваюсь к Антуанетт. – Спасибо за помощь с переводом, но дальше я сама.

Антуанетт выглядит растерянной, и мужчина задиристо склоняет голову, словно побуждая меня ввязаться в спор. Я выпрямляюсь во весь рост, как делают в книгах, и говорю:

– *T'es une poule mouillée!*¹¹

Они тарашатся на меня, раскрыв рты.

– Что ты сказала? – шепчет Розы и достает телефон, принимаясь неистово печатать.

Я игнорирую Розы и сосредотачиваюсь на враждебном мужчине перед собой.

– Мы будем на ярмарке и не заплатим ни на евро больше той цены, о которой договорились!

Антуанетт кивает и пытается скрыть улыбку. Я уношусь прочь, надеясь, что нас не будут и дальше обдирать лишь потому, что мы здесь новенькие, и они думают, что у нас нет головы на плечах.

¹¹ Ты просто слизняк! (*фр.*)

– погоди! – Роза с трудом поспекает за мной. – Если верить моему переводчику, ты только что сказала ему: «Ты мокрая курица!»

Она закусывает губу, а потом раздражается смехом.

Я останавливаюсь и кладу руки на бедра, грудь вздымается от адреналина, но я продолжаю кидать злобные взгляды в его сторону на случай, если он еще наблюдает за мной. Он наблюдает.

– Я знаю только это и «Твоя мать проститутка», думаю, второе было бы неуместно.

– Почему?

– Ну, кому бы понравилось услышать, что его мать...

– Нет-нет, – она поднимает ладонь, останавливая меня. – Почему ты знаешь эти фразы?

– Я читала ромком, в котором действие происходило во Франции. И перечитывала его столько раз, что запомнила их. Смотри, как пригодились.

Она закатывает глаза.

– Я должна была догадаться, что это из книжки. Поверить не могу, что ты просто взяла и назвала его мокрой курицей. Я чуть не умерла, его лицо... Мне показалось, что у него сейчас голова взорвется.

– Очевидно, это значит, что человек трус или что-то вроде этого. Я люблю французские оскорбления, они просто лучшие. – Наша Роза не сильна в конфронтациях, но я готова в них вступить, если повод весомый. – Нельзя просто позволить ему сесть нам на голову. Позволить одному – значит позволить им всем, и это станет привычкой. К тому же терпеть не могу таких заискивающих людей. Аж мурашки по коже.

Ее распахнутые глаза серьезны.

– Уверена, они не все такие. Он попытался разыграть свою карту и проиграл.

Я притворяюсь, что поигрываю мускулами, и говорю.

– И у нас есть запасной план, если он попытается отстранить нас от участия.

– Оружие! Какое... лопатка? Венчик? Нет, сковородкой по башке!

Я приподнимаю брови.

– Чего? Нет! У нас есть Макс!

– Точно! Двухметровый накачанный мужчина. Как я могла забыть. – Она ударяет ладонью по лбу.

Я приподнимаю руку.

– Ну да, он добрый великан. Но знать об этом никому не обязательно.

Я, конечно, способна постоять за себя, но иногда я скучаю по тем временам, когда могла отправить мужа на передовую разбираться со всякими скользкими Жан-Пьерами. Хотя Ти Джей давил бы на него своей добротой, пока противнику не пришлось бы сдаться...

Мы отправляемся в новый город, обсуждая разворачивающуюся перед нами красоту, гуляя по узким средневековым улочкам. Свежий утренний воздух словно энергетик, я чувствую себя отдохнувшей от долгой вчерашней поездки и вскоре забываю о Жан-Пьере.

– Я даже не изучала карты, чтобы найти тебе книжный, – говорит Роза.

Я приподнимаю бровь.

– Это прогресс.

– Нет, дело не в этом. Я знаю, что ты его вынюхаешь. Ты как собака-ищейка, когда дело касается книг. Этому можно научиться, или у таких книголюбов, как ты, это врожденное?

Я пихаю ее бедром.

– Очень смешно.

Мы петляем по улочкам, полным разноцветных домов, пока Роза не останавливается у *un épicier*¹², чтобы закупиться основными ингредиентами для выпечки на ярмарку. Инжир такой

¹² Бакалейщик (фр.).

спелый, что вот-вот лопнет, – выйдет великолепный джем для ее французских с небольшой примесью Девоншира чаев. Продавец обещает доставить ее трофеи в лагерь через пару часов.

Мы идем дальше, останавливаясь у *fromagerie*¹³, благоухающего ароматами экзотических сыров. Роза обсуждает с продавцом разные виды сыра. Она просто кладезь информации о французской кухне, пятнадцать лет проработала в «Эпохе», французском ресторане в Лондоне. Продавец предлагает нам попробовать выдержанный конте, настолько вкусный, что если я не съем еще, то умру. Потом он отрезает ломтики тянущегося камамбера, такого сливочного и роскошного, что отныне я клянусь есть только французский сыр всю свою оставшуюся жизнь. Я трачу слишком много денег, но покидаю *fromagerie* счастливой.

Все мысли о бюджете я отодвигаю в сторону. *Вселенная поможет*, разве это не главный девиз всех кочевников?

Волоски на руках встают дыбом, и это может означать лишь одно. Где-то рядом книжный магазин. Я почти чувствую его, этот пьянящий аромат приключений, заточенный между страниц. Наконец я его замечаю. Это самый красивый книжный, который мне когда-либо доводилось видеть. Изогнутое старое каменное здание, чуть наклоненное влево, словно тянущееся к робким солнечным лучам, которые пробиваются в просвет между домами. Бледно-голубые обветренные ставни распахнуты, по дереву змеями вьется плющ.

Роза замечает возбуждение на моем лице и, вздохнув, смотрит на часы.

– Не больше часа, Ария.

Я обиженно фыркаю.

– Все зависит от того, сколько там этажей. – Я поднимаю взгляд на окна, полупрозрачные занавески развеваются на ветру, словно приветствуя меня: «*Мы ждали тебя, Ария...*»

– Полтора часа, и это мое последнее предложение, – улыбаюсь я и затягиваю ее внутрь. – Беру свои слова обратно. Мне надо как минимум два.

Дыхание перехватывает. Крошечные лампочки гирлянд подмигивают из тени, темные деревянные полки огибают комнату полукругом, возвышаясь до самого потолка.

Это мой тип книжного: стеллажи забиты так, что вот-вот лопнут, книг столько, что они стоят в два-три ряда. В центре комнаты две старомодные французские кушетки, светло-розовые с рубиновым, подлокотники обиты шениллом и так и ждут, чтобы какой-нибудь книжный червь присел и расслабился. На кофейном столике громоздятся журналы, не хватает лишь чайника с чаем и банки печенья – и тогда бы я ни за что на свете не управилась за полтора часа.

Ко мне подходит работница и на идеальном английском спрашивает:

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Подскажите, где кулинарные книги, *s'il vous plaît*¹⁴? – спрашивает Роза.

– Туда и налево, – она показывает на другой лабиринт комнат. – Сообщите, если понадобится что-то еще.

– Спасибо. – Мы смотрим, как она уходит на высоченных каблуках. Во Франции даже продавцы книг модные. Я опускаю взгляд, осматривая свой внешний вид, который можно описать как книжничервячный шик. Джинсы и футболка с какой-то цитатой – максимум моего стиля. Не уверена даже, что *смогла* бы сейчас пройтись на каблуках.

Я подталкиваю локтем Розу.

– Она сразу поняла, что мы не французы.

Она охает, осознавая.

– Как? Мы же даже не в радужных шароварах, как Лулу!

– Может, догадалась по тому, как мы держимся? – Полная противоположность французским женщинам, которые, кажется, учатся гордо держать спину еще подростками.

¹³ Сырный магазин (*фр.*).

¹⁴ Пожалуйста (*фр.*).

Рози поднимает палец.

– На нас нет шарфов! Это первое правило французского модного этикета. Всегда надевай шарф. И обвязка зависит от типа ткани.

Мои брови взлетают.

– Ты изучала французский этикет?

Такой у Рози способ справиться с незнакомыми ситуациями: она досконально изучает все возможное. Могу поспорить, она знает каждое существующее правило французского этикета, даже самые экстравагантные.

Она бросает на меня взгляд, который намекает, что я недалекая.

– Разумеется! И тебе бы стоило. Существует много негласных правил, которым лучше следовать, если мы хотим здесь вписываться.

Я и не подумала, что для этого нужно приложить какие-то усилия.

– Разве это не должно произойти само собой?

– Уф, вы с Максом настолько солнечные и располагающие, что вам вообще не приходится трудиться, как всем нам. Но все равно у французов столько правил, было весело их учить. Ты знаешь, что если в конце ужина подают грейпфрутовый сок, то это знак, что хозяин ждет вашего ухода? Исчезает вино и вуаля, стакан сока дает понять, что пора собираться! Разве это не *magnifique*¹⁵! Ненавижу, когда гости злоупотребляют гостеприимством. Наверное, в душе я немного француженка.

– Ну, ты изучала французскую кухню, так что ты почти полностью француженка, Рози.

– *Oui*, – говорит она серьезно.

Я качаю головой: как всегда, я не уверена, что она не шутит.

– Пойдем, моя дорогая *ingénue*¹⁶. Нам предстоит отыскать сокровища.

Но она не двигается, замерев на месте.

– Что? В чем дело?

Я бросаю взгляд в ту сторону, куда она смотрит, и вижу *ее*. Черно-белую фотографию Джонатана, улыбающегося своей загадочной улыбкой. Мы подбредаем ближе. Что, черт возьми, фотография его лица делает на стене книжного магазина во Франции? Я спешно пытаюсь разобрать, что означают французские слова.

– Нет! – Как, каким образом я могла такое пропустить?

– Да! – лицо Рози озаряется светом.

Мой желудок падает от удивления.

– Поверить не могу. Как я не сложила два и два?

– Ты не спросила его фамилию, да? Джонатан не кто иной, как невероятно известный писатель Джонатан Чэдвик!

– Да как это возможно? – Рози знает о нем больше, чем я, это же просто в голове не укладывается.

– Он *только что* приезжал с презентацией своего романа! А мы пропустили! – Она разве что не прыгает вверх-вниз.

– Что... – я пытаюсь понять, что происходит, но мозг отказывается работать, словно поцарапанный диск. – Он писатель, а мои спайдерменские чувства этого не ощутили? Боже, да я теряю хватку!

– Может, мы случайно встретимся с ним где-то во Франции? – Рози так взволнована, что чуть не кричит. – Авторы такого калибра обычно становятся отшельниками, разве нет? Они не приезжают в потрясающие крошечные магазинчики вроде этого. Мне кажется, это о многом говорит, ты не думаешь? – Рози продолжает болтать длинными бессвязными предложениями.

¹⁵ Чудесно (*фр.*).

¹⁶ Инженю, наивная, простодушная (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.